

Прайс на
чужие тайны

ДНЕВНИК ПОКОЙНИКА

Андрей
ТРОИЦКИЙ

ПРОФИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

Майор Девяткин

Андрей Троицкий
Дневник покойника

«Андрей Троицкий»

2012

Троицкий А. Б.

Дневник покойника / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий»,
2012 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-699-55871-1

Он – человек-скала, человек-кремень. Его боготворят сослуживцы из убойного отдела МУРа и до ужаса боятся враги. Преступники уже давно не пытаются его подкупить – все равно взятку не возьмет, да еще и в порошок за это сотрет... Нет, он отнюдь не ангел, не идеальный полицейский. Частенько в работе с нарушителями закона он и сам применяет жесткие и не совсем законные меры. Но при этом он не ищет личной выгоды. В болоте коррупции и лжи он ставит перед собой одну-единственную цель: любой ценой докопаться до истины. Запомните это имя. Его зовут майор Юрий Девяткин... Сотрудница нью-йоркского театрального музея Дорис Линсдей прилетает в Москву, чтобы приобрести личный дневник известного режиссера Сергея Лукина, недавно погибшего при странных обстоятельствах. Но она даже предположить не могла, что ждет ее в Москве. Ведь дневник хранит в себе важные секреты больших людей, которые готовы уничтожить любого, кто лишь прикоснется к тайне. Дорис грозит люта́я смерть. Но на след преступников уже встали майор Девяткин и адвокат Дмитрий Радченко...

ISBN 978-5-699-55871-1

© Троицкий А. Б., 2012
© Андрей Троицкий, 2012

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Троицкий

Дневник покойника

Вместо пролога

Рабочий день подходил к концу, когда в кабинет хозяина автосервиса, которого друзья звали Мишей, вошел высокий склонный к полноте человек с портфелем, одетый в летний костюм. Это был известный театральный режиссер Сергей Лукин. Поднявшись из-за стола, Миша шагнул навстречу и, завладев рукой режиссера, долго тискал ее, спрашивал о здоровье и гастролях в Америке. Отделавшись от вопросов, режиссер, расстегнув замки портфеля, вытащил конверт. Протянул его Мише и сказал:

– Как я обещал. Два билета на премьеру с моим личным приглашением. Партер. Серединка третьего ряда, между прочим. Лучшие места. Через неделю прошу. Мне известно, что в четвертом ряду за вами будет сидеть член правительства с супругой.

– Господи, я-то думал, вы забудете...

Миша расцвел в улыбке. Бережно вытащил из конверта два билета и открытку с приглашением, поднес их близко к лицу, словно хотел поцеловать. Но почему-то передумал, словно почувствовал дурной запах, и убрал во внутренний карман пиджака.

– Даже не знаю, как благодарить, дорогой вы мой человек... Жена будет счастлива. Вы же знаете, какая она театралка. Она и не мечтала, что Лукин не забудет, лично вручит...

Режиссер поморщился и махнул рукой, мол, слова благодарности – это лишнее.

– Вы отлично выглядите, – Миша сделался деловитым. – Присаживайтесь. Вы на машине? Какие-то проблемы, жалобы?

– Ничего такого. Просто пора масло менять. И еще... Пусть посмотрят. При торможении какая-то мелкая вибрация. Едва заметная.

– Это не смертельно, – Миша кивал головой и улыбался. – Сделаем в лучшем виде. Все будет готово завтра до полудня. Я сам все посмотрю и проверю. А пока могу дать вам машину, чтобы вы доехали до дома. С водителем или без водителя. Как хотите?

– Не нужно, – Лукин застегнул портфель. – Я такси возьму. Вы, Миша, проследите, чтобы завтра к двенадцати все сделали. Я хочу на дачу съездить.

Миша проводил гостя за двери, на всякий случай спросил, чем еще может быть полезен. Когда Лукин ушел, он снял пиджак, бросил его на кожаный диван. Упал в рабочее кресло, забросил ноги на стол и стал снимать и надевать на средний палец правой руки широкий перстень из белого золота, украшенный россыпью бриллиантов.

Под золотым перстнем был другой, выколотый на коже в ту пору, когда Миша последний раз отбывал срок на зоне в пяти тысячах километрах от Москвы. Выколотый перстень не отличался ни мастерством, ни красотой. Это был черный прямоугольник в узкой светлой рамке. Наколка имела смысл: обладатель черного прямоугольника отсидел срок от звонка до звонка. Все свои блатные татуировки Миша вывел давно, только эта сохранилась. Так, на память о прошедшей молодости. Выколотое колечко закрывал от любопытных глаз широкий золотой перстень.

Хозяин кабинета подумал, что Лукин очень приличный, в лучшем смысле слова интеллигентный человек. Если что пообещал, кровь из носа сделает. Еще не было случая, чтобы он забыл какую-то мелочь, пустяк: пропуск на кинофестиваль, бесплатные билеты на концерт эстрадной дивы. Один раз привез из Америки антирадар последней модели, другой раз подарил ручку с золотым пером. Дело вовсе не в цене подарков, просто приятно, что такой известный режиссер, можно сказать мировая знаменитость, помнит какого-то Мишу из автосервиса.

Все-таки правду говорят: мир не без добрых людей. Они встречаются редко, но все-таки еще встречаются. Когда добрый человек умирает или гибнет во время несчастного случая, например, автомобильной аварии, мир сиротеет, становится беднее. Все это так. Миша вздохнул. И утешился мыслью, что на одних хороших людях в рай не въедешь.

Он достал конверт с билетами, разорвал его вдоль и поперек. Бросил клочки бумаги в корзину. Снял телефонную трубку, набрал номер и, услышав знакомый баритон, сказал:

– Он только что приходил. Просил поменять масло.

– Ты успеешь?

– Конечно. Все сделаю как надо. Завтра он собирается на дачу. Я это к тому, что лучше все это проверить за городом... Ну, это только мой совет.

– Хорошо, до завтра. Не забудь заправить его тачку под завязку. Наполни запасную канистру. Веселее гореть будет.

– Это не проблема.

В трубке запищали короткие гудки. Миша откинулся на спинку кресла и стал смотреть в потолок. Рабочий день идет к концу. Секретарь собирается домой. Остается подождать еще минут десять, ровно в восемь вечера из торгового зала выйдут запоздавшие посетители и охрана закроет наружные двери и ворота. Тогда он спустится вниз, переоденется в рабочий комбинезон и установит под днищем машины одно довольно простое устройство.

Эта штучка поможет режиссеру освободиться от земных тревог, нервных перегрузок, премьерных спектаклей. А также пристрастия к алкоголю и других хронических болезней. От всего сразу.

Миша снял с пальца перстень с бриллиантами, положил его в ящик стола и вышел из кабинета пружинистой походкой энергичного человека, который знает цену времени.

Глава 1

Хозяин дачи Павел Грач задумчиво посмотрел на искусствоведа, сотрудника театрального музея из Нью-Йорка Линсдей. Помолчал и задал пару вопросов на общие темы, которые требовали таких же общих неопределенных ответов.

Скромный обед подошел к концу, и теперь они вдвоем сидели на просторной летней веранде и пили кофе. С раннего утра Дорис работала в кабинете покойного режиссера Сергея Лукина, читала его дневниковые записи, листала альбомы со старыми фотографиями. После кофе она хотела поработать еще пару часов, а там надо будет в Москву собираться. Грач обещал подвести ее на своей машине к театру, на девять вечера назначена встреча с другом покойного режиссера, актером Свешниковым. Старик согласился ответить на вопросы Дорис, показать альбом с редкими фотографиями.

– Вы уже пишете книгу о моем отце или пока материал собираете? Так сказать, подступаете к теме? – Грач, которым после обеда овладела сытая истома, раздавил окурочек в пепельнице. Задумчиво почесал затылок, словно собирался придумать другой вопрос, глубже и умнее. Но ничего такого в голову не приходило.

– Вообще-то в мои планы не входило писать книгу о Сергее Лукине, – ответила Дорис. – По контракту с издательством я около года работаю над монографией о современном театре. В одной из статей я хотела рассказать о Лукине. Это согласовано с издателями. Но после его смерти... Я подумала, что у меня есть интересные материалы о вашем отце. Он выдающийся театральный режиссер. И достоин большего, чем короткая статья в монографии. Я хотела обстоятельного рассказа о его жизни и творчестве. Словом, я с удовольствием возьмусь за это дело. Сейчас я собираю материалы.

– И большой тираж ожидается?

– Трудно сказать. Но гуманитарные университеты по всему миру наверняка захотят иметь это издание в своих библиотеках. Значит, тираж будет не самым маленьким. В этой книге я скажу спасибо всем людям, кто помогал мне в сборе материала и подготовке книги. И вам, разумеется. В первую очередь – вам.

– Это хорошо... Это хорошо, что спасибо скажете.

– Мне не дает покоя вопрос, – Дорис улыбнулась. – Вопрос деликатный. Не хотите, не отвечайте. Почему вы взяли фамилию матери?

– Все об этом спрашивают. Вам я честно отвечу. Только вы в своей книге напишите, как я скажу. А скажу я вот что. Надо быть благородным человеком. Благородным во всем. И в большом, и в малом. Меня тошнит, когда отпрыски знаменитых людей с пеной у рта орут: знаешь кто мой отец? Я не хотел всю жизнь оставаться в тени отца. Не хотел, чтобы люди говорили: вон сын Лукина пошел. Я не ждал и не жду от жизни никаких поблажек лишь потому, что мой отец знаменитый режиссер. Да, так и напишите: Грач не хотел налаживать благополучную жизнь, пользуясь его именем. Потому что у меня есть совесть. И принципы. Хотя эти вещи многие люди в наше время считают старомодным пережитком.

Грач хотел что-то добавить, но промолчал. В просветах между облаками появилось солнце. На пологом склоне, спускавшимся в низину, стали четко видны дикие фиолетовые цветы с высокими стеблями. Водная гладь реки заиграла металлическим блеском. На другой стороне Оки замер в вечном сне сырой хвойный лес. Наверное, Лукин сидел здесь, на веранде, наблюдая за этим сонным лесом, за плавным изгибом реки и дикими цветами, стебли которых качал ветер. Из состояния задумчивой созерцательности Дорис вывел голос Грача.

– Вообще-то я думаю поскорее расстаться с вещами отца, – он отхлебнул кофе. – Не потому, что мне деньги нужны. Так нужны, что хоть в петлю полезай. Нет... На жизнь хватает. Но тут понимать надо, что ситуация деликатная. Любая вещь напоминает мне о нем. Бере-

дит душу, причиняет боль. Я человек чувствительный, сентиментальный. К чему мне лишнее страдания, когда и так жизнь не сахар. Вы видели кресло в большой комнате? Ну, с бордовой плюшевой обивкой и бахромой? Если нравится, могу уступить для театрального музея. По разумной цене.

– Спасибо, я подумаю.

– Отец не был практичным человеком, – Грач вздохнул, словно и это воспоминание причиняло ему душевные страдания. – В свое время через Союз театральных деятелей можно было взять за бесценок большой участок земли на Рублевском шоссе. Там теперь загородные дома всех сильных мира сего. Членов правительства, сенаторов и даже людей повыше. Цены взлетели до небес, это самая дорогая в России земля. Да, отец дурака свалил. Тогда он говорил, что якобы ищет уединения. И вот купил кусок земли здесь, у черта на рогах, вдалеке от Москвы. Вбухал кучу денег в строительство дома. Сам делал его проект, рисовал, чертил. А что толку? За дом и землю больших денег не дают, я уже сто раз приценивался. Место красивое. Но слишком далеко, и дорога плохая.

– Вы не расстраивайтесь.

– Я держусь, хотя все ночи не сплю, – кивнул Грач. – И о продаже дома пока думать рано. Для начала надо барахлишко загнать. Вон в кладовке пальто висит, новое, ратиновое. Сам бы его носил, но рукава коротковаты. Отец сшил его у одного московского портного за год до смерти. Жаль, пофорсить не успел. Хорошая вещь, такое пальто не стыдно в музее повесить. Да что там пальто... Вы видели большой диван с гнутыми ножками?

– Это какой же?

– Ну, в столовой на первом этаже? На гнутых позолоченных ножках? Старинная историческая вещь, ему лет сто. И обивка даже не прохудилась. Отец любил вздремнуть на нем после обеда. Ну, такой диван любой музей мира украсит. Вы его выставите у себя там в экспозиции, поставите табличку. И напишите, что хотите. Ну, якобы на этом диване Лукин размышлял о судьбах современного театра, его посещали гениальные идеи и все такое прочее. Я дорого не прошу...

– По поводу кресла, дивана и других вещей не было распоряжений спонсора. Думаю, найдется меценат, который согласится приобрести некоторые вещи для театрального музея.

– Меценату без разницы, что приобретать, – заявил Грач. – Этот меценат, может, и в театре был всего пару раз в жизни. Ни черта не смыслит в режиссуре, о моем отце даже не слышал. А все истраченные деньги ему с налогов спишут. Я же знаю всю эту механику, сам бывал за границей. И с иностранными меценатами ведро водки выпил. Они только об одном думают: как им поскорее потраченные деньги вернуть.

Дорис почувствовала, как со дна души поднимается муть, застилающая светлую картину природы. Она, подавляя внутреннее раздражение, с трудом находила силы для продолжения разговора с этим мужчиной, слишком самоуверенным и не слишком умным. Она сказала себе, что надо оставаться спокойной и собранной. Впереди много работы, хочется того или нет, кое-что зависит от сына Лукина. Ведь это он, пусть не безвозмездно, разрешил провести в этом доме столько времени, сколько нужно Дорис.

– Люди, которые жертвуют деньги на создание музея, как правило, заядлые театралы, – возразила Дорис. – И еще: государство не возмещает расходы людей, которые занимаются благотворительностью. Меценату списывают с налогов не более тридцати процентов от его затрат.

– Тридцать процентов тоже немало, – в душе Грача окрепла надежда, что дачную мебель удастся продать за хорошие деньги. – Вообще-то говоря, вы приехали вовремя. Я бы мог много ценных вещей могу уступить вашему музею. Ну, раз такой интерес в мире к моему отцу. А то здесь разворуют все, растащат... Тут деревня рядом. Там знают, что известный режиссер дуба врезал. А если человек известный, значит, у него в доме все матрасы деньгами набиты. И подушки тоже. Залезут ночью, сопрут, что под руку подвернется. И дом сожгут. Просто

так, ради хохмы. Правда, вечером сюда приходит мужик. Вроде как охранник. И ружье вон в кладовой стоит... Но на одного сторожа надежды мало.

– Ну, не сгущайте краски.

– Я не сгущаю, наоборот... Или еще хуже получится. Какой-нибудь хрен на ровном месте из Министерства культуры вдруг узнает, что к вещам отца проявляют интерес иностранцы. Да еще из американского музея. И решит, что все эти вещи – национальное достояние России. Выпустят соответствующую бумажку. Первым делом запретят вывоз вещей за границу. Меня заставят продать все государству. Разумеется, за сущие копейки. Заберут все до последней пуговицы от штанов. Самое ценное чиновники по домам растащат. А что похуже – мыши на складе сожрут.

* * *

Стрельба стихла, когда милицейская машина с синей полосой на кузове, перескочила неглубокую канаву, полную дождевой воды, ударила передком в штакетник забора. И, разломав доски и перекладины, остановилась наискосок от деревянного дома. Застекленная веранда и три окна, в которых горел свет, смотрели на дорогу. В этом неярком свете можно различить пару молодых деревьев и кусты роз перед входом.

На ступеньках крыльца лежал милиционер в расстегнутом кителе, одна рука завернута за спину, вторая выброшена вперед, будто он хотел что-то схватить, но не смог дотянуться. Простреленная фуражка валялась на площадке перед домом, вымощенной искусственным камнем. В двух шагах от фуражки лежала на боку здоровая серая собака, кажется, немецкая овчарка. Она была еще жива, шевелила передними лапами и тихо скулила.

Фары погасли. Три милиционера выбрались через правые дверцы и, присев на корточки, укрылись за машиной и проверили оружие. Моросил дождь, где-то далеко за лесом грохотала гроза, озаряя горизонт всполохами молний. И темный небесный свод дрожал, готовый расколоться и рассыпаться, словно битое стекло. Со стороны дома ударил выстрел, сверкнула далекая молния, эхом отозвался удар грома за лесом. Вторая пуля, выпущенная из крупнокалиберного карабина, пробила переднее колесо машины.

– Вот черт, – прошептал милиционер-водитель, совсем юный парень, отпустивший для солидности усы.

Другой милиционер, лейтенант Суворов, начальник поселкового отделения милиции, имевший под началом восемь милиционеров, если считать вместе с ним, напряженно ждал. Он вытянул голову на длинной шее, словно прислушивался к мелодии, что передавало радио в машине. И боялся пропустить любимый музыкальный момент. Лейтенант не был трусом, но не был и великим стратегом. Если быть честным, минуту назад он отдал не самый умный приказ. Идея сломать забор, въехать на участок на машине, а потом, используя эффект неожиданности, сходу ворваться в дом, – оказалась неудачной. Мотор старого «уазика» заглох.

– Господи помоги, – прошептал водитель.

– Заткнись, – ответил лейтенант. – Ты что, в церковь приперся? Или куда?

Лейтенант плюнул на мокрую траву. Он обдумывал ситуацию, прикидывая, что делать дальше. Из всех вариантов больше всего нравилось отступление через пролом в заборе. Правда, отступая, они окажутся в зоне обстрела этого проклятого убийцы, который уже положил двух милиционеров. И, кажется, не хочет успокаиваться. Если выбраться за забор, в спасительную темноту, можно по мобильному телефону вызвать тех трех милиционеров, что сегодня выходные. А потом связаться с районным центром и попросить подкрепление. Правда, когда подкрепление доберется сюда, все уже кончится. Вопрос только один: кто кого прихлопнет?

Пули просвистели над капотом. Лейтенант вжал голову в плечи и подумал, что хорошо еще в баке бензина только на доньшке. Но от этого не легче. Через пару минут стрелок превратит в решето эту таратайку, подобрется ближе...

– Надо уходить, – оглянувшись, сказал Суворов. – Организованно. Ползком. Из карабина он нас всех тут... Сначала вы вдвоем, а потом уж...

– Он нас перещелкает, пока мы ползать будем, – сказал человек, до этой минуты хранивший молчание.

Он был одет в серый гражданский костюм и занимал место между двумя милиционерами в форменных кителях и фуражках. Это был Юрий Девяткин, майор милиции из Главного управления внутренних дел Москвы.

Его занесло сюда недобрым ветром в недобрый час. Сегодня утром в убойный отдел уголовного розыска поступила оперативная информация, что в поселке Сосновый, в доме одного из местных уголовников, скрывается от милиции вор рецидивист Константин Прохоров, совершивший побег из мест лишения свободы. Информация надо было проверить. Девяткин мог отрядить в Сосновый одного из оперативников.

Но подумал, что сегодня пятница, впереди вечер, наполненный жарой и духотой раскаленного солнцем города. Можно, конечно, отправиться домой, в крошечную холостяцкую квартиру, из окон которой открывается захватывающий вид на темный двор и стену противотуберкулезного диспансера. Он включит вентилятор и заснет в кресле у телевизора. Другой вариант: пропить немного денег в ближайшей пивной. Но можно съездить за город, в этот самый поселок, отвлечься от дел и подышать свежим воздухом.

По пути, уже в электричке, он заметил, что погода изменилась. Духоту и жару разогнал северный ветер, стал накрапывать дождь.

Лейтенант Суворов, начальник местного отделения милиции, сказал, что вор рецидивист Прохоров в поселке не замечен.

– Чья-то шутка, – добавил он. – В наших краях одна мелочь проживает: хулиганы, самогонщики, мелкие воришки. Что тут Прохорову делать?

Девяткин спустился в подвал и стал изучать картотеку лиц, стоявших в поселке на милицейском учете. Лейтенант Суворов тем временем согрел чайник, выложил на стол пачку печенья и растаявшую от жары карамель в цветных фантиках. Своей заветной минуты в холодильнике дождалась бутылка водки, соленые огурцы и кусок ливерной колбасы. Профессиональная интуиция и что-то неуловимое во внешности самого московского майора подсказывало: этот выпивкой не побрезгует. Может, еще и за второй бутылкой придется ехать.

Но тут ожила рация, и все планы рухнули, а бутылка осталась нераспечатанной. Прапорщик Седов доложил, что из патрульной машины, слышны одиночные выстрелы. Похоже, бьет карабин или винтовка. Через минуту экипаж машины прибыл на место. Лейтенант хотел о чем-то спросить командира патруля, но вместо этого сказал:

– Какой там карабин... Наверное мальчишки петарды взрывают.

Но рация молчала. Тогда лейтенант крикнул милиционера-водителя Суворова и приказал заводить «уазик». Девяткин увязался следом.

* * *

Дорис поднялась наверх в кабинет Лукина и плотно закрыла за собой дверь. Это была большая комната, двумя окнами выходящая на реку. Вдоль торцевой стены проходил длинный широкий балкон, откуда открывался вид на луг и дальний лес на этой стороне реки. Внизу ветер теребил кроны молодых яблонь, посаженных Лукиным. Возле перил стояла пара пластиковых стульев, кресло-качалка, круглый столик со стеклянной столешницей. Когда Лукин последний раз был в Нью-Йорке, он рассказывал Дорис, что эскизы декораций к спектаклю «Дядя Ваня»

по Чехову и костюмы героев он рисовал на дачном балконе. Сначала делал наброски карандашом, затем раскрашивал рисунки цветными мелками или акварелью.

Фасад обветшалой дворянской усадьбы, запущенный сад вокруг нее, выхваченный светом софитов, светился в глубине полутемной сцены. Над домом и садом дуга, выполненная из широкой алюминиевой полосы. В первом акте этот огромный, во всю сцену полукруг, освещен так, что зритель видит яркую радугу. Во втором акте свет радуги блекнет, она темнеет, становится черной. Превращается в странный символ, таинственный знак, значение которого не сразу угадаешь. То ли эта черная радуга – печать смерти, символ вырождения и гибели русского дворянства. То ли темный обод вокруг дома – это мрачный полукруг колодца, в котором тонет прошлое всего человечества...

Постепенно, по ходу спектакля, свет становился тусклым, приглушенным, усадьба растворялась в темноте. Тонула в колодце времени, во мраке прошедших десятилетий, отступала все дальше, пока совсем не потерялась из вида.

Грач строго запретил пользоваться в дачном доме любыми электронными устройствами. Нельзя фотографировать интерьеры комнат, страницы записных книжек. Нельзя наговаривать текст на диктофон, снимать сканером копии документов и фотографий. Но можно читать все, что Лукин положил на полки книжных шкафов, в ящики письменного стола и секретер.

Присев к столу, она открыла толстый ежедневник, исписанный неровным крупным подчерком. Закладкой служила фотография человека, одетого в черный свитер и линялые джинсы. Большое продолговатое лицо с крупным носом, длинные тронутые сединой волосы зачесаны на затылок. Лукин стоял на сцене, он поднял и отвел назад правую руку, растопырил пальцы, будто собрался приложить своей пятерней кого-то невидимого. Рот полуоткрыт, глаза горят. Если верить надписи карандашом на обратной стороне, снимок сделан шесть лет назад. Режиссер, выступая перед театральной труппой, делится впечатлениями о первой поездке в Америку.

Хорошая фотография, экспрессивная, здесь схвачено настроение Лукина. Даже больше, чем настроение, – часть его неутомимой, не знающей покоя натуры. Вот вторая фотография. Ряды пустых кресел в партере театра. На крайнем кресле Лукин. Голова опущена, лица почти не видно. Он облокотился на ручку кресла, и, глубоко задумавшись, прижимает ладонь ко лбу. Выглядит он старым и уставшим. На обороте выцветшая надпись: «В часы сомнений и тягостных раздумий». Кто это написал? Подчерк кудрявый, мелкий.

* * *

– В машине бензин есть? – Девяткин тронул за плечо милиционера-водителя.

– Что? Нету, – водитель говорил быстро, будто боялся, что его подстрелят раньше, чем он закончит фразу. – Масло есть, там... Под сиденьем. В пластиковой бутылке.

– Доставай, – скомандовал Девяткин.

Водитель поднял руку, распахнул дверцу и нырнул в темное пространство между двумя сиденьями. Вылез и сунул в руки Девяткина двухлитровую пластиковую бутылку из-под содовой воды, на две трети наполненную темной густой жидкостью.

Пули разнесли боковые стекла и фары. Теперь звуки выстрелов смещались куда-то влево, становились ближе. За пару минут темнота сгустилась, это низкие тучи приползли сюда из-за леса, дождь сильнее забарабанил по крыше машины. Лейтенант косился на пролом в заборе и думал о том, что в прошлом году его начальника капитана Селезнева, по пьяной лавочке угодившего под электричку, хоронили в дешевом гробу, обитым красно-черной материей. А теперь, кажется, пришел его черед... И представлял себя, молодого и красивого, упакованного в такой же деревянный ящик, сбитый из сырых досок и обтянутый копеечной тканью. У изголовья гроба стояла старуха мать и младший брат. За их спинами неловко топталась невеста Даша с лицом, распухшим от слез. Суворову стало жалко себя.

Девяткин стянул с себя галстук, разрезал его поперек. Тонкую сторону галстука засунул в бутылку, запихал в горлышко бумажную пробку.

– Свет из дома прямо нам в глаза, – прошептал Девяткин, обращаясь к водителю. – Мы не видим этого психа, а он нас видит. Я обойду дом с той стороны. Когда свистну, зажигай ткань и бросай бутылку. Прямо на траву, ближе к дому. И ты, лейтенант, не зевай.

Девяткин сунул пистолет в подплечную кобуру, оттолкнулся ногами от скользкой травы и прыгнул в сторону пролома в заборе. Снова оттолкнулся ногами, едва не потерял равновесие возле канавы. Тут ему пришлось разогнуть спину, чтобы не упасть. Вдогонку полетели три пули, одна застряла в деревянном столбе, в шаге от цели. Две другие улетели в темноту, не задев Девяткина, успевшего перескочить препятствие и грудью рухнуть в грязь дорожной колеи. Вскочив, он совершил короткую перебежку, и снова пули, выломав из забора пару штагетин, просвистели совсем близко.

Лейтенант Суворов подумал, что сейчас, в эти мгновения, решается судьба всей милицейской операции, может, его собственная судьба. Если майора подстрелят, пиши пропало. Им с водителем придется туго. Он поднялся на ноги, зажав пистолетную рукоятку обеими руками, выпустил в темноту половину обоймы. И, вместо того, чтобы снова спрятаться за машиной, бросился вперед. Проскочил мимо молодого деревца, упал за металлической бочкой, до краев наполненной водой.

Стрелок, перезаряжавший карабин, не успел поймать на мушку Суворова. Пальнул пару раз в бочку, из которой полилась вода, и снова перевел огонь на Девяткина. Но было поздно, тот успел спрятаться за деревьями, что росли со стороны соседнего участка, который давно пустовал. О том, что здесь, на этой земле, иногда появлялись люди, напоминал дровяной сарай. Окно сарая было разбито, а навесной замок сорван. Отсюда, с пустого участка, начинался заросший бурьяном пустырь, который тянулся на три сотни метров до железнодорожной насыпи, круто поднимавшейся вверх.

От деревьев Девяткин перебежал за дальнюю стену сарая. Он подумал, что давно пора завязать с курением. Стоит поработать ногами, и трудно отдышаться.

Со стороны дома донеслись новые выстрелы. Девяткин, сорвавшись с места, промчался метров пятьдесят и растянулся на земле. Отсюда до дома метров тридцать пустого пространства. Справа можно различить кусты и пару деревьев. Возможно, за одним из них прячется стрелок.

Глава 2

Лейтенант, сидевший за бочкой, тоже вслушивался в тишину. Он подумал, что вода, гасившая скорость пули, не позволявшая смертоносному свинцу прошить бочку насквозь, незаметно вылилась. Сейчас бочка почти пуста. И если стрелок вздумает пальнуть по ней, пуля запросто пройдет навывлет. И достанет лейтенанта. Надо искать другое укрытие. В десяти метрах справа доски, сложенные штабелем. Надо бы туда. Лейтенант еще не додумал мысль, когда что-то ударило в бок с такой силой, что с головы слетела фуражка, а он оказался на мокрой траве.

Суворов пришел в себя через минуту, жгло бок под ребрами. Капли дождя падали на лицо и стекали по лбу. Галстук на резинке душил его, он расстегнул верхнюю пуговицу кителя, сбоку разорванного, уже пропитавшегося кровью. И тут услышал, как где-то за домом дважды свистнул майор из Москвы. В ту же минуту во весь рост поднялся водитель. Он метнул пластиковую бутылку с маслом в сторону дальних деревьев. Бутылка перевернулась в воздухе, горящая тряпка, торчавшая из горлышка, едва не погасла. Лейтенант закрыл глаза, а когда открыл их, зажмурился от яркого света. Бутылка ударилась о плиты, которыми вымощена дорожка к дому. Разлившееся масло вспыхнуло.

От дальнего дерева отделился темный контур человеческой фигуры. Мужчина на секунду замешкался, решая, что делать дальше. Он успел вскинуть карабин. Но со стороны забора послышались хлопки pistolетных выстрелов. Стрелок выронил карабин, согнулся пополам и упал. Лейтенант почувствовал, что его перевернули на спину, расстегнули китель.

Когда подошел Девяткин, водитель стоял на коленях перед лейтенантом, прислушиваясь к дыханию раненого. Он поднял голову, показал пальцем на Суворова и сказал:

– Я вызвал «скорую». Скоро приедут. Вы были в доме? Чего там?

– Убитая женщина и ее муж, черт его знает. Один милиционер из ваших ранен. Второй, который лежит на крыльце, убит наповал. Ну, еще этот черт с карабином... Он готов. Я старался стрелять по ногам, но... У моего pistolета ствол во время выстрела задирает.

– Вам, товарищ майор, умыться надо. Вы весь... Ой, смотрите.

Водитель показал пальцем в сторону дома.

Девяткин, обернувшись, увидел, как человеческая тень легла на переднюю стену, рванулась вперед и пропала за углом.

* * *

Дорис надела очки и продолжила чтение, с трудом разбирая неряшливый почерк. «Встретил на лестничной площадке Уткина. Сказал ему: «Роль генерала Хлудова в пьесе «Бег» – твоя. Даже вывешивать отдельного приказа не стану. Свой экземпляр пьесы возьми у секретаря. Через две недели начнем читку». Уткин ответил: «Кого я могу играть в таком состоянии? Только старика, больного раком». Я замер и вытаращил глаза, сыграл неподдельное удивление. Он принял мою игру за чистую монету, нахмурился: «Ты разве не знаешь, что я смертельно болен?» Я продолжал таращить глаза, а он поплелся дальше. Я посмотрел ему в след и подумал, что Уткин сильно сдал за последнее время. Постарел лет на двадцать. Он долго не протянет».

Следующая запись, тоже без даты. «Уже на улице фонари зажгли, когда ко мне в кабинет зашла Верочка из второго состава спектакля «Варвары». Встала у двери, мнет пальцами поясok платья, стесняется спросить, получит ли роль в новой постановке. Я нахмурился, не поднимая взгляда от бумаг, спросил нарочито грубым голосом: «Ну, чего тебе надо?» Она вся зарделась, уже повернулась, чтобы выбежать из кабинета. Но я остановил ее. А дальше все и без слов

понятно... Это произошло на старом кожаном диване. Это должно было произойти уже давно. Но я все тянул, ждал, когда спелый плод сам упадет в руки.

Диван скрипит так, что в коридоре слышно. И на первом этаже. Скоро развалиться к чертовой матери. Он уже выработал свой ресурс, то есть два ресурса. Даже три. Верочка после этого плакала. От счастья, наверное. Кстати, надо купить занавески на окна. Не хочу, чтобы мою старую задницу и Верочкины прелести задарма смотрели жители дома напротив».

Далее: «Нынешняя публика – это какой-то сброд в сравнении с той, что собиралась в театрах лет двадцать назад. Тогда доставали билеты, чтобы посмотреть на актеров, на постановку. Теперь приходят, кажется, только для того, чтобы опохмелиться пивом в буфете. И поржать в тех местах, где, по замыслу режиссера, положено плакать».

«В коридоре «Мосфильма» встретил Жукова, он только что закончил снимать фильм на патриотическую тему с Мешковым в главной роли. Добрые люди говорят, что эта работа для Жукова – особая. Если раньше зрители в зале засыпали через полчаса просмотра любого его фильма, то сейчас будут дрыхнуть уже на десятой минуте. Я пожал его руку, обнял, поздравил с творческой удачей. Все выглядело настолько трогательно, что этот тип даже прослезился.

Между делом спросил, сколько денег он огреб за постановку. Я не мог скрыть досады. В прошлом году на той же студии мне заплатили в полтора раза меньше. Но только я снял приличный фильм, а не халтуру. Вот же скоты. Поверить не могу, заплатить мне в полтора раза меньше, чем какому-то Жукову. В голове не уместается. Просто рехнуться можно от всего этого».

Для кого он все это писал? Почему в дневниках так много пошлости? И до обидного мало сказано о главном деле его жизни, – о работе, о творчестве? Для себя Дорис нашла ответ на этот вопрос. За личиной циника он прятал ранимую душу истинного художника и высокое дарование, данное богом. Правда, можно найти и другое объяснение. Талант великого режиссера уживался с пошлой, мелочной, корыстолюбивой натурой. В том, что Лукин режиссер великий, Дорис, имевшая счастье видеть все его спектакли, не сомневалась ни минуты.

Внизу страницы мелким неровным подчерком, будто рука Лукина дрожала, написано:

«Опять приходил этот хмырь. Мы говорили четверть часа. В его присутствии мою волю парализует. Становится страшно, нить разговора теряется, я перестаю понимать смысл сказанных слов. Только тупо гляжу на него. И киваю головой. Я хочу сказать «нет», но не могу. Кончится это тем, что он убьет меня. Или наоборот. Я пообещал, что раздобуду деньги к следующему четвергу. Сумма немалая, но я знаю, у кого можно взять в долг».

В самом начале записей Лукин упоминал какого-то человека с тяжелыми кулаками. Лукин мог сказать «нет», но, охваченный страхом, соглашается что-то сделать. Что именно? Об этом ни слова. Записи короткие, отрывочные. Невозможно понять, о чем идет речь.

«Что ж, пора подбираться к «Евгению Онегину». Меня отговаривают, постановка слишком сложная и затратная. И все почему-то хотят видеть в главной роли Савина. Но из него Онегин – как из дерьма конфета. О том, как решить проблему с костюмами и декорациями – надо думать. Нужно удешевить это дело насколько, насколько это вообще возможно. Или полностью перейти на язык условностей. Отказаться от декораций. Актеров одеть в современные костюмы. Тогда спектакль можно вести за границу. По Европе и в Америку». И три восклицательных знака.

Стук в дверь заставил Дорис вздрогнуть.

– Темно уже, – Грач стоял на пороге. – Надо выезжать, а то не успеем. Пойду машину заводить.

– Через минуту буду готова, – ответила Дорис.

* * *

Девяткин бежал тяжело. В груди что-то свистело. Когда прорывался табачный кашель, приходилось замедлять бег. Он никак не мог миновать пустырь, продравшись сквозь заросли молодого ольшаника и чертополоха. Подошвы ботинок скользили по мокрой траве, ветви кустов вязали ноги. Девяткин падал, теряя ориентировку в пространстве, едва не выронил пистолет.

Человек, бежавший впереди, был проворнее и моложе своего преследователя. Кажется, он неплохо знал местность. Через пустырь он взял не напрямик, а сделал небольшой крюк, чтобы не попасть в самые дебри густой травы, – и выиграл немного времени. Когда Девяткин наконец оказался на ровном месте, он увидел на краю высокой железнодорожной насыпи человека, взбиравшегося наверх. Справа на высоком бетонном столбе был укреплен фонарь, освещавший железнодорожное полотно и подступы к нему.

– Стой, – заорал Девяткин, срывая голос. – Стой или стреляю. Стой, гад...

Человек передвигался на карачках. Услышав голос за спиной, он остановился и бросил быстрый взгляд вниз. Плюнул, взобрался выше и скрылся за краем насыпи. Выругавшись, Девяткин полез следом. Сначала подъем шел хорошо, затем, гравий стал осыпаться под ногами. Пришлось встать на четвереньки. Чтобы закончить подъем, не хватило минуты. Нога зацепилась за какой-то толстый кабель. Он изо всех сил дернул ногой. Но тут гравий, на котором сидел Девяткин, посыпался вниз, увлекая с собой человека. Девяткин съехал с горки, больно ударился плечом и услышал, как затрещала ткань пиджака, лопнувшего на спине.

Он снова оказался у подножья насыпи. Поднялся и стал карабкаться вверх. Когда до рельсов оставалось всего несколько метров, загудел, вынырнув из темноты, локомотив. Девяткин замер, дожидаясь, когда мимо пройдут вагоны и несколько пустых платформ. Железнодорожная ветка вела к ремонтному заводу, поезда здесь проходили всего два-три раза в сутки.

Спустившись вниз с другой стороны насыпи, Девяткин вдруг осознал, что человеку, которого он преследует, будет трудно уйти. Впереди, за узкой полосой поля, виднелись посадки молодых сосен, а дальше прямое хорошо освещенное полотно шоссе. Человек где-то здесь, рядом. Не разбирая дороги, Девяткин побежал вперед, но почему-то оказался не на гладком поле, а в мелком зловонном болотце, заросшим осокой. Человек, бежавший впереди, опять обхитрил его, взял краем, обошел болото и легко добрался до поля, даже не промолив ноги.

Пришлось дать задний ход, обойти болотце по едва заметной тропинке. Ступив на твердую землю, Девяткин прибавил обороты. И вскоре увидел впереди человеческую фигуру. Сердце застучало быстрее. Теперь беглеца и преследователя разделяли метров сто с небольшим. Человек бежал как-то неуверенно, высоко поднимая левую ногу и чуть приволакивая правую. То ли он совсем выдохся, то ли, спускаясь с насыпи, неудачно упал. Девяткин, чувствуя, что его шансы растут, забыл об усталости и побежал быстрее, чем бегал десять лет назад. Человек на минуту потерялся среди сосновых стволов, но вскоре появился снова.

– Стой, – заорал Девяткин и выстрелил в воздух. – Стреляю...

Человек обернулся и выпустил пару пуль в преследователя. Охваченный азартом погони, Девяткин не стал падать на землю, даже не сбавил темпа. До сосновых посадок рукой подать, а там дорога. Развязка наступит через пару минут. Девяткин чувствовал, что задыхается. Первый раз он оступился, поскользнувшись на мокром камне, выступавшем из земли. Через несколько шагов споткнулся о бетонную балку, неизвестно как оказавшуюся здесь.

Еще через пару метров, ступил ногой в пустоту. И провалился в неглубокий колодец, по дну которого проходила газовая труба. Он выпустил из руки скользкую рукоятку пистолета, ударился затылком о кирпичную стенку колодца с такой силой, что в голове зашумело.

Девяткин сидел в грязной луже и думал о том, что надо выбираться из этой помойки. Уже то хорошо, что он не потерял сознания, что он вообще жив. Он посветил вокруг огоньком зажигалки, поднял пистолет и стал медленно карабкаться вверх по ржавым скобам. Выбравшись наружу, он вдохнул сырой свежий воздух, шагнул вперед и увидел у дороги далекий абрис человеческой фигуры.

Сделав несколько шагов вперед, Девяткин остановился и сел на мокрую траву. Засучил штанину и ощупал голень левой ноги. Вдохнул и положил пистолет на землю. Девяткин наблюдал, как человек достиг шоссе и, прихрамывая, пошел вдоль освещенной трассы по направлению к Москве. И через минуту скрылся из вида. Видимо, машина ждала этого сукина сына где-то неподалеку.

Девяткин пошарил по карманам разорванного перепачканного грязью пиджака, вытащил пачку сигарет, зажигалку. Руки еще дрожали то ли от напряжения, то ли от сознания того, что партия, которую он считал своей, проиграна. В самый последний момент. Так глупо, так бездарно. Он закурил, задержал теплый табачный дым в груди. Голова приятно закружилась, а боль в ноге ненадолго ушла.

* * *

Грач водил машину медленно, как-то неуверенно. Он слишком близко наклонялся к рулю, сжимая его с такой силой, что пальцы становились белыми. За всю дорогу он выдавив из себя всего несколько слов и облегченно вздохнул, когда «ауди», почти новая, доставшаяся от покойного отца, остановилась у служебного подъезда театра.

– Слово себе дал не ездить на этой тачке, когда темно, – сказал на прощание Грач. – Я вечерами плохо вижу. А тут такое движение. А это ведь не просто машина. Память об отце.

Под фонарем Дорис ждал Борис Ефимович Свешников, ведущий актер тетра и ближайший друг Лукина. Среднего роста плотный человек с красивыми ресницами, выпуклыми румяными щеками и добрыми глазами.

– Я уж по-старомодному, – сжав женскую ручку своими пухлыми пальцами, поцеловал ее. – Со мной попрошу по-простому, без церемоний...

И тут же склонил голову для нового поцелуя. Пряди волос, прятавшие напудренную лысину, обнажили ее. Но Свешников, сделал вид, что не заметил конфуза. И еще долго не выпускал женскую руку. Прижимал ее к сердцу, гладил запястье и что-то тихо мурлыкал. Редким прохожим, наблюдавшим эту трогательную сцену, могло показаться, что мужчина, оставивший в прошлом свою молодость, вдруг в сумерках московского вечера, встретил неувядающую юношескую любовь.

Наконец вошли в театр через служебный вход. Пробрались лабиринтом полутемных коридоров к лестнице, поднялись на второй этаж и оказались в просторной ярко освещенной комнате. Занавесок на окнах не было, хорошо просматривалась другая сторона улицы. Усадив гостью в дряхлое плюшевое кресло перед кофейным столиком, Свешников прижал палец к губам, будто боялся быть услышанным, и перешел на таинственный шепот:

– Спектакля сегодня нет, нам никто не помешает. Артисты готовятся к гастролям.

Распахнув дверцу книжного шкафа, поставил на столик вазочку с баранками и карамелью, тарелку с зелеными яблоками. Вытащил початую бутылку коньяка и две рюмки толстого стекла. Наполнив их, сказал:

– Поднимаю этот тост в память о великом русском режиссере, который ушел от нас слишком рано.

Кажется, он хотел дать слезу, но передумал. Иначе получится слишком пафосно, фальшиво. Запрокинув голову, осушил рюмку и поморщился, будто не коньяка, а самогонки рванул.

– Вот, пожалуйста, лучшие фотографии моей коллекции, – откуда-то из воздуха материализовался объемистый альбом с золотым теснением на корешке. – Фото, сделанные по ходу спектаклей «Дядя Ваня», где я имел честь играть Вафлю. «Вишневый сад». Роль Лопухина я не получил. Потому что годы, как говорится, берут свое. Но, истинные знатоки театра, утверждают, Фирс в моем исполнении – лучший в России. Я человек, чуждый лести. Но с этим утверждением соглашаюсь. Все это для вашего музея в Америке. Подборка моих фотографий. Пусть хоть какая-то память останется. Да... У нас тоже есть музей театрального искусства. Но эти фотографии там, в этой цитадели пошлости и примитивизма, не поймут и не оценят. Завистники. Повсюду их яд, воздух пропитала ненависть к чужому таланту.

– Не хочу вас обнадеживать. Экспозицию музея формирую не я.

– Но именно вы – ведущий специалист по истории русского театра, – Свешников никогда не скупился на лесть. – Многое зависит от вашего желания, мнения...

Дорис, с трудом подбирая слова, сказала, что Свешников обещал принести редкие фотографии Лукина, а принес свои. Конечно, он талантливый актер, она с великой благодарностью принимает этот подарок и надеется, что фотографии помогут ей... Через минуту Дорис окончательно запуталась. И, чувствуя неловкость момента, подняла рюмку и пригубила коньяк. Разговор снова ожил. Свешников сказал, что со смертью Лукина и его актерская звезда померкла и закатилась. В новые режиссеры прочат одного молодого человека, бездарного, но с решительным характером. Значит, новых ролей не будет. Прощальный вечер со зрителями состоится в сентябре, об этом уже договорились.

– Я бы мечтал умереть на сцене, – Свешников, устроившись в кресле, ловко налил рюмку и опрокинул ее в рот. – Во время спектакля. Чтобы обязательно в гриме, в парике. Рухнул бы на доски пола так, что пыль поднялась. А зрители сразу поняли: Свешников больше не встанет. Отыгрался, артист... Вот это смерть. Это великая награда бога, а не смерть. Ничего, что я о вечном?

– Ничего. Мы ведь все об этом думаем. Вы обещали мне рассказать о последних встречах с Лукиным. С вами он делился замыслами, идеями.

Свешников, кажется, не услышал последних слов. От выпитого коньяка он все больше мрачнел, губы стали фиолетовыми, кожа на щеках и шее пошла багровыми пятнами.

– Но моя судьба – другая. Тихо угаснуть на больничной койке, стоящей возле окна. В палате, набитой людьми. Где витают миазмы боли, отчаяния и безысходности. Я не боюсь смерти. И, кажется, знаю, как все это будет. Все случится холодной зимней ночью, перед рассветом. Я впаду в забытие, в бреду скажу несколько ничего не значащих слов. И все... Подойдет сестра, меня с головой накроют простыней. Кровать вывезут в коридор, где она простоит до утра. А там явятся санитары и спустят тело в подвал, в морг. Ни одна собака не вспомнит, что скончался большой артист. Которого, между нами, любили женщины. Любила публика.

Свешников неожиданно всхлипнул, глянул на гостью глазами, полными слез. Снова всхлипнул и выплеснул в горло новую стопку коньяка.

– Ну, зачем же так мрачно? – Дорис чувствовала себя неловко. Она не знала, чем утешить человека, который слишком поздно открыл для себя, что человеческий век так короток. На душе сделалось тоскливо, и самой захотелось заплакать. – До осени ситуация может еще сто раз измениться. И с работой все наладится. И роли новые будут. Вот только курите вы зря.

– Кури или не кури, все равно подыхать.

Несмотря на все попытки Дорис свернуть беседу в сторону, мрачное настроение, овладевшее Свешниковым, уже не отпустило. К тому же он так захмелел, что дальнейший разговор потерял всякий смысл. Воспоминаниями о покойном друге Свешников делиться не мог, но нашел почтовый пакет с фотографиями Лукина.

Дорис бегло просмотрела снимки и не сдержала вздоха разочарования. Почти все это она уже видела. Какие-то фото опубликованы в газетах и журналах, другие размещены на сайте

Лукина. Ради того, чтобы посмотреть, как Свешников напьется, не стоило терять времени. Впрочем, напился он быстро. И, свесив голову на грудь, задремал в кресле. Дорис выбралась на улицу, проскочив тот же лабиринт коридоров. Несколько минут она стояла на кромке тротуара и ждала такси.

Сев в машину, думала о том, что делать дальше. Есть небольшой список людей, с которыми надо бы встретиться и поговорить о Лукине. Следует продолжить работу на даче режиссера. Дорис разглядывала через стекло бессонный город, огни ресторанов, пешеходов, рекламные щиты, за которыми не разглядеть московской архитектуры. Она думала, что в общем и целом все идет гладко. Нужно только терпение и еще раз терпение.

Когда такси остановилось, Дорис расстегнула объемистую кожаную сумку, чтобы достать кошелек. И увидела дневник Лукина, который она читала сегодняшним днем на даче. Дорис копалась в сумке, стараясь найти свою тетрадь с записями. Но ее не было. Видимо, в спешке, она перепутала два ежедневника, внешне похожие. Одного размера, тот и другой в темном кожаном переплете. Господи, лишь бы не заметил Грач. А если заметит? Будет такой скандал, что трудно даже представить. Дорис больше не получит доступа к дневникам и записным книжкам Лукина, не переступит порог его дачи и квартиры.

Сейчас она поднимется наверх, позвонит Грачу и расскажет обо всем. Или лучше действовать иначе. Грач ничего не заметил и не заметит, потому что ближайшие сутки он будет в городе. Оказавшись на даче, Дорис снова поменяет ежедневники. Так тому и быть. И волноваться не о чем.

Таксист обернулся назад:

– Мадам, мы уже приехали.

Глава 3

Дорис не успела уснуть, когда раздался телефонный звонок. Она зажгла лампу на тумбочке, села на кровати, чувствуя сердцем, что большие неприятности где-то рядом. Она услышала голос Грача, высокий, дрожащий от волнения.

– На дачу залезли. Подушки, матрасы, кресла ножами порезали. Мебель повалили, покурочили. Будто искали что-то. Господи... И диван и кресла накрылись. Сейчас на даче менты. Наверное, растаскивают то, что не унесли воры.

– Вы говорили, что на ночь в дом приходит сторож. Ну, какой-то мужчина из ближней деревни.

– Кажется, ему голову проломили железным прутом, – Грач тяжело застонал. – Но его голова к делу не относится. Господи, диван... Сами видели, что это был за диван. И кресла неземной красоты, – на этот раз в трубке что-то забулькало. То ли Грач заплакал, то ли полилась вода из крана. – За что мне все это? Потерял отца. И вот теперь новое горе. Но что эти подонки искали? Что?

– Вы меня спрашиваете?

– Почему бы мне не спросить вас. Вы последний человек, который вышел из отцовского кабинета. Вы прекрасно знаете, какие вещи там были. А ведь именно отцовский кабинет пострадал больше других комнат. Вы скажете, что это совпадение? Странное совпадение.

– Я ничего не скажу, – Дорис покосилась на дневник Лукина, лежавший на краю тумбочки, и удивилась тому, как спокойно звучит ее голос. – У меня нет ответа.

Она погладила кончиками пальцев вытертый переплет из кожи. Дневник все время находился с Лукиным. Он носил его в портфеле, где помещался еще термос с кофе, пакет с бутербродами, экземпляр пьесы, над которой он работал в театре. И еще рукопись какого-нибудь молодого или маститого драматурга. Ему вечно совали разные пьесы, вдруг заинтересуется. Но Лукин возвращал автору сочинение, пробежав всего три-четыре страницы. На вопросы обычно отвечал так: «Нет, батенька, переделки тут не помогут. Пьеса безнадежна. Может, где-нибудь в глубокой провинции найдется режиссер, который оценит эту вещь. Но не я, только не я».

Рассказывали, что однажды по окончании банкета в честь юбилея большого чиновника Лукин выпил лишнего. В гардеробе схватил чужой портфель вместо своего. И с ним отправился к тогдашней подруге Полине. Только к обеду следующего дня, подкрепившись супом и махнув домашней настойки, он полез в портфель за очками. А когда понял, что случилось, долго сидел за столом, потеряв способность говорить и двигаться. Губы сделались серыми, как олово, глаза остекленели.

«Все, мне хрендец», – эти первые слова, которые смог выдохнуть Лукин.

До вечера он обзванивал людей, присутствовавших на том банкете, и в сотый раз перебирал содержимое чужого портфеля. Там лежала шерстяная жилетка, пустой термос, несколько английских газет, в том числе номер «Таймс» недельной давности, и пара толстых научно-популярных журналов, тоже английских. На следующий день выпало воскресенье. Лукин ездил на такси по знакомым, пытаясь, кто из гостей пришел на банкет с портфелем и кто владеет английским языком настолько хорошо, чтобы читать «Таймс». Подходящих кандидатов не нашлось. Лукин был напуган чуть не до обморока, даже водка не помогала.

Кому-то он сказал: «Такова жизнь: у меня на одного друга – тысяча недругов. После того, как дневник попадет в руки врагов, меня сотрут в пыль. Конечно, сейчас за частные записи в тюрьме не сгноят. Не те времена. Но с работы выпрут в два счета. И больше до конца дней не дадут поставить ничего. В театр буду ходить как зритель. Однако этими записями я испорчу жизнь многим людям. Очень многим. Вот это главное».

В понедельник в театр пришел незнакомый пожилой мужчина в старомодном пальто и очках в железной оправе, спросил Лукина, передал в его дрожащие руки потерянный портфель. И рассказал, как в сутолоке у деверей ресторана перепутал портфели, внешне похожие. В связях со спецслужбами старика было трудно заподозрить. Он уже давно куковал на пенсии, подрабатывая переводчиком в издательстве технической литературы.

«В соседнем зале ресторана справляла свадьбу моя внучка, – сказал старик. – А гардероб один для всех гостей. Я поставил портфель на подоконник и... Когда я понял, что за штуку принес домой, перепугался до смерти. Вы ведь такой известный человек. Не сомневайтесь: никто из моих домашних в ваш портфель не заглядывал». «Я верю, верю», – пробормотал Лукин, стараясь унять дрожь в руках. А старик еще долго извинялся и наконец ушел, получив назад свое имущество.

На радостях Лукин в компании случайных собутыльников завалился в ресторан, и там просидел весь вечер с портфелем на коленях. В театральной среде иногда проносился слухок, будто Лукин записывает в некую тетрадку разные скабрёзности и еще кое-что. Еще говорили, будто он собрал компромат на очень большого человека. Настолько большого, что его имя можно произносить шепотом. И только в кругу близких проверенных людей. Если эту тетрадку когда-нибудь случайно попадет на Лубянку, то большие неприятности ждут не только автора, но и всех людей, которых он помянул в своих заметках.

«Интересно почитать эту штуку, – сказал приятелю Лукина один банкир, он же щедрый меценат. – Я бы проглотил все написанное за ночь. Двадцать тысяч долларов за одну ночь с его тетрадкой. Передайте мое предложение Лукину». «Что вы, он и в руках не даст поддержать за двадцать тысяч, – был ответ. – Да и дневник этот, говорят, штука мистическая. С тем, кто заглянет в тетрадь, непременно случится беда. Близкий родственник умрет, произойдет авария со смертельным исходом или тяжелая болезнь настигнет». «Ерунда, – ответил банкир. – Эти слухи сам Лукин и распускает. Ну, чтобы его тетрадку не сперли на репетиции».

* * *

Дорис провела кончиками пальцев по переплету. На уголках ежедневник протерся, когда-то рельефный рисунок кожи сделался почти гладким и блестящим как пергамент. Дорис – первый посторонний человек, прочитавший дневник почти до середины.

– Ясно, что ни денег, ни золота на даче я не хранил, – продолжал Грач, будто разговаривал сам с собой. – Дураки давно вывелись, чтобы деньги на даче держать. Тогда что там искать? Ладно... Одевайтесь и спускайтесь вниз. Я заеду за вами через полчаса.

– Зачем мне туда ехать? – Дорис почувствовала, как в душе шевелится страх.

– Я думаю, это ваш долг. Моральный долг. Долг перед моим покойным отцом. И у милиции наверняка будут к вам вопросы.

– Хорошо, – Дорис снова прикоснулась к дневнику. – Через полчаса я буду готова.

* * *

К даче подъехали, когда предрассветные сумерки еще гоняли по небу низкие облака, а солнце едва обозначило линию горизонта за рекой. Кисея мелкого дождя висела над полем и лесом.

Грач, остановив машину перед забором, выбрался наружу. В темноте долго искал ключ, наконец открыл ворота. На крыльце под навесом стояли два мужчины: молодой парень в милицеском кителе и мужчина лет сорока пяти в плаще и кепке. Вместе вошли в дом, встали под матерчатым абажуром в столовой на первом этаже. Тот, что в плаще, представился старшим

следователем Иваном Тишковым из районного центра. Он долго рассматривал паспорт Грача, потом спросил документы Дорис.

– Вы американка? Да, так сразу и не скажешь, – слюнявя палец, он перевернул страницы американского паспорта, взгляделся в фотографию, сердито глянул на Грача. – На кой черт вы привезли сюда иностранку? Вам неприятностей мало?

– Вам известно, кем был мой отец? – Грач, усталый и злой после тяжелой ночной дороги, кажется, хотел сцепиться с милиционером. – Он великий режиссер, мировое светило...

– Знаем, – поморщился Тишков. – Я спрашиваю: почему здесь посторонняя женщина? К тому же иностранка?

– Мисс Дорис Линсдей – ведущий сотрудник театрального музея из Нью-Йорка, – Грач надул щеки. – Она исследует творчество моего покойного отца, работает с его бумагами. Точнее, работала. Она последний человек, кто вышел из его кабинета наверху. Она помнит каждую бумажку. Я подумал, что у милиции возникнут вопросы к госпоже Линсдей.

– Да, да, – встряла Дорис. – Я постараюсь помочь. Ну, чем смогу.

Тишков вернул паспорт, зашел в смежную комнату и плотно закрыл за собой дверь. Минут пять он с кем-то разговаривал по мобильному телефону, вернулся и покачал головой.

– Ничего не получится. Я тут посоветовался кое с кем... Официальные показания с иностранки можно снять только в присутствии представителя американского посольства и переводчика. Но отсюда до посольства далековато. И переводчик наверняка еще спит. Поэтому поступим так, – Тишков заглянул в глаза Дорис, и страх, который притупился по дороге сюда, снова схватил за сердце. – Если вы хотите сообщить информацию не для протокола, а лично для меня, – прекрасно, я послушаю. Пока присаживайтесь.

Тишков показал в угол комнаты, где стоял старинный диван. Обивку спинки порезали ножом крест на крест, сиденье тоже разрезали и выпотрошили. Дорис присела на край табуретки и стала наблюдать за происходящим. Следователь попросил Грача и молодого милиционера пройти по всем комнатам и составить список пропавших вещей. Сам сел к столу, на котором были разложены бумаги, и стал что-то писать.

Дорис слышала тяжелые шаги наверху, наблюдала, как милиционеры, выходят курить на крыльцо, о чем-то тихо переговариваются и снова поднимаются вверх. Она не сразу заметила, что в дальнем темном углу сидит пожилой мужчина в ватнике и девушка в мокром дождевике. Люди молчали, старик смотрел в пол, девушка вертела головой, прислушиваясь к разговорам. Дорис думала о том, как ей вести себя дальше. Нужно под каким-то предлогом подняться наверх, в кабинет Лукина, незаметно вытащить из сумки дневник и сунуть его на открытую полку между книгами. Но как выбрать удобный момент, под каким предлогом подняться в кабинет, когда ее туда никто не зовет.

Следователь Тишков, дописал страницу и промокнул носовым платком лоб, будто вспотел после тяжелой работы. Глянув на Дорис, неожиданно улыбнулся.

– Тяжело мне даются эти сочинения на свободную тему, – сказал он. – Где убийство, там всегда много писанины. А эксперт-криминалист обещал приехать только в полдень. Надо его дожидаться.

– Какое убийство?

– Вы думали, что я из-за несчастной кражи поеду за пятьдесят верст? Человека убили, сторожа. Раньше он работал неподалеку, бригадиром на лесопилке. Петров Сергей, тридцать шесть лет, непьющий. Четверо детей осталось, жена, старик отец... Зарплата маленькая. Он и подрабывал караулить режиссерскую дачу. Еще три года назад, при жизни самого режиссера. Петров приходил сюда ночевать, когда хозяев не было.

– Грач сказал, что сторож в больнице.

– Много он знает. Труп на земле лежит возле крыльца, прикрытый клеенкой с этого вот стола. Вы с Грачом мимо проходили, странно, что не заметили.

– Что же тут случилось?

– Ясно что. Злоумышленник проник в дом. Проломил голову сторожа железной трубой. Думали, он убит, стали копать в комнатах. Спустя некоторое время Петров пришел в себя, поднялся. Обливаясь кровью, дошел до порога. Спустился со ступенек вниз. Злоумышленник его догнал и прикончил. Заметьте, в доме было ружье. Но Петров им не воспользовался. Понимаете?

– Простите, не совсем.

– Петров сам открыл дверь ночному гостю. Он знал своего будущего убийцу. Вот видите, я всего лишь провинциальный сыщик. Возле разных полицейских академий, которые есть в Америке, близко не проходил. Но такие дела щелкаю как орешки.

– Значит, убийцу найдут?

Тишков снова расплылся в улыбке.

– Убийцу задержали. И скоро доставят сюда.

– А как же вы...

– Тут рядом поселок, других населенных пунктов нет. Поэтому действовал местный – это ясно. В поселке пять человек ранее судимых. Но только один из них рецидивист. Три ходки. Последний раз отбомбил пять лет за то, что из чувства мести убил женщину, заразившую его сифилисом. Остальные парни мотали срока по мелочи. Поджог дома, угон транспортного средства... Кроме того, этот Павел Упоров был знаком с покойным Петровым. Пострадавший и убийца живут на соседних улицах. Вот и все.

– Моя помощь не нужна? – Дорис так разволновалась, что голос стал ломким и хриплым. – Может быть, мне подняться наверх? Посмотреть, все ли вещи целы в кабинете?

– Там одни бумажки. Чего на них смотреть?

Дорис перевела дух, услышав шаги на лестнице. Вниз спустились молодой милиционер и Грач, с бледным лицом и взлохмаченными волосами. Он упал в кресло, обивку которого исполосовали ножом, схватился за голову и так замер. Но тут же вздрогнул, будто его толкнули, вскинул голову и сказал:

– Дневник отца пропал. Отец завел его лет пять назад.

– Какой еще дневник? – Тишков смолил сигарету и читал исписанные листки протокола. – Я попросил вас уточнить: что пропало из ценных вещей.

– Это и есть самая ценная вещь. Один богатый человек предлагал за дневник пятьдесят тысяч баксов. Но я не отдал. Память об отце все-таки. Отец для меня был святым человеком. За него я... Горло перегрызу.

– Ценность какого-то дневника – вопрос спорный, субъективный, – сказал Тишков. – Тебе пятьдесят тысяч предлагали? А я бы и пять баксов не дал. Меня интересует коллекция зажигалок, которую собирал твой отец, столовое серебро, а не макулатура.

* * *

Грач только вздохнул, решив: сколько не говори о ценности записей великого режиссера, этот олух из провинциального городка все равно ничего не поймет. Если пропали серебряные ложки или зажигалка – это уже преступление. А мысли великого человека, воспроизведенные на бумаге, – мусор. Он решил, что кража дневника заказная. Когда вор или воры шли на дело, они точно знали, что брать. А мебель покурочили и порезали, чтобы пустить следствие по ложному следу.

Не находя применения беспокойным рукам, Грач машинально приглаживал волосы. Если разобраться, виной всему эта баба из театрально музея в Нью-Йорке. Он дал ей для затравки почитать записи отца. Думал, что Дорис заинтересуется, свяжется со своим спонсором или

солидным американским издательством. И выложит за дневник приличные деньги. Скажем, тысяч сто или того больше. Перспектива быстрого обогащения затуманила голову.

Те два дня, что американка работала на даче, дневник лежал в отцовском кабинете. Вчерашним вечером, уезжая, нужно было взять его с собой, но мысли были заняты другими проблемами. Да, во всем виновата американка, она сбила Грача с толку. Он покосился на Дорис. Чертова баба, будь она неладна...

Тишков поманил пальцем старика и девушку.

– Вы вот тут подпишите, – сказал он. – Это протокол осмотра места происшествия. Это бумага о том, что вы опознали в убитом своего соседа Петрова.

Дед, за ним и девушка расписались там, куда ткнул пальцем следователь, и отошли к себе в угол, заняв прежние места. Дорис думала о том, что теперь, когда пропажу дневника обнаружили, просто поставить его на полку не получится. Можно сейчас встать и объявить, что произошло недоразумение. Она случайно положила в сумку чужую вещь, теперь хочет вернуть тетрадку. Дорис должна встать и сказать правду, хотя сделать это трудно. Особенно в присутствии Грача. От этих мыслей разболелась голова, занемела шея. На смену волнения пришла апатия и хандра.

* * *

Когда окончательно рассвело, двое оперативников ввели в дом закованного в наручники мужчину в перепачканной грязью одежде. Куцый пиджак промок насквозь, ворот рубахи был оторван и держался на одной нитке. Лицо человека было разбито, губы распухли и полопались, правый глаз налился синевой и заплыл. Мужчина смотрел на мир только одним левым глазом, часто смаргивал и, кажется, плохо понимал, что же здесь происходит.

С его появлением в комнате запахло перегаром. Мужчина был настолько пьян или так сильно избит, что не мог без помощи оперативников, державших его за плечи, стоять на ногах. Один из оперов сказал, что задержанный, гражданин Павел Упоров, доставлен. Тишков поднялся навстречу. Он подошел вплотную к человеку. Казалось, следователь ударит его наотмашь кулаком в лицо. Но Тишков, вспомнив об американке, сдержался.

– Ну что, Упоров, я тебя прошлый раз сажал, – сказал он. – Ты был освобожден условно-досрочно за хорошее поведение. Выходит, поспешили тебя освободить. На этот раз сядешь надолго.

– Я не убивал, начальник, – выдохнул Упоров. – Спроси кого... У меня свидетели есть. Я весь вечер сидел у Тоньки. Ну, которая из дома напротив. Она скажет. Там еще был...

– Да пошел ты знаешь куда? – разозлился Тишков. – Мать твою. Свидетели у него. Дураков ищет. Сажайте его в машину. Пока этот гад не проспится, разговаривать бесполезно.

Мужчину вывели на улицу, Тишков сел за стол и сказал Грачу, что дача на время, пока идет следствие, будет опечатана. И снова стал что-то писать. Дорис закрыла слезящиеся глаза и подумала, что она устала, хочется вернуться в Москву, в гостиницу. Но это мучение еще долго не кончится.

Глава 4

Кабинет начальника следственного управления Московского уголовного розыска Николая Николаевича Богатырева хранил в себе запах сигары и выдержанного коньяка. Вчера здесь в неофициальной обстановке, под рюмку и холодную закуску, принимали делегацию парижской жандармерии.

Затем весь день Богатырев показывал французам учебный центр Отряда особого назначения, где служители порядка повышают квалификацию. Потом поехали в образцовую среднюю школу милиции. Вечером в ресторане «Будапешт» Богатырев после трудного дня немного не рассчитал силы. И поспешил удалиться, когда разговор свернул на политику. Он эту тему ненавидел и боялся ляпнуть что-нибудь такое, за что придется с начальством объясняться.

Сегодня французами занимался заместитель начальника управления. В программе значилось посещение Кремля и Грановитой палаты, где хранятся сокровища царского дома. У Богатырева появилась возможность вздремнуть на кожаном диване и немного поработать. Отдохнув, он сел составлять список офицеров, которые через месяц отправятся с ответным визитом в Париж. Под номером семь в этом списке значился майор Юрий Девяткин.

Когда в дверь постучали и на пороге возник сам Юрий Иванович, Богатырев поднял взгляд от бумаг и стал рассматривать своего подчиненного так внимательно, будто видел его впервые. На Девяткине был поношенный костюм, одна штанина распорота по шву и подвернута до колена. На ноге гипс, плечо подпирал костыль, в правой руке металлическая трость с резиновым наконечником.

– Вызывали? – спросил Девяткин.

– Вызывал? – Богатырев сморщил лоб, стараясь вспомнить, когда и по какому вопросу вызывал подчиненного. – Ах, да... Я тут список составляю, ну, лучших офицеров. Не просто список, а список офицеров для поездки в Париж. На десять дней. И ты среди них. В составе делегации познакомишься с методами работы французов и все такое. Заодно городом погуляешь, девушками. И всем остальным.

– Спасибо, товарищ полковник, – растрогался Девяткин. – Вот это повезло. Не ожидал. Давно мечтал туда съездить...

– О чем ты мечтал, потом расскажешь. В свободное от работы время. А сейчас, ну, поскольку ты уже здесь, доложи об убийстве в поселке Сосновый. Прокуратура Москвы взяла дело на контроль. Теперь будут звонить каждый день. Спрашивать об успехах. А хвастаться нечем. Я правильно понимаю?

– Можно похвастаться тем, что я, преследуя одного гада, сломал ногу, – Девяткин, ловко обращаясь с костылем и тростью, присел в кресло. – Но хожу на работу с переломом. Превозмогая боль.

– Теперь будешь меньше бегать и больше думать головой. Потому что твое главное оружие – мозги, не ноги. Итак: твоя рабочая версия?

– Я назначил комплексную экспертизу, опросили свидетелей, предварительные результаты уже есть, – сказал Девяткин. – Восстановлена последовательность событий. Соседка покойной артистки, что живет в доме через дорогу, утверждает: ближе к вечеру к Лидии Антоновой пожаловали гости. Два мужчины. Описание гостей дать затрудняется. Тут сделаю отступление. Последние два года Антонова в театре не работает. Все лето, с весны до осени, живет в загородном домике. И никуда оттуда не уезжает. Ее квартира в Москве была взломана неделю назад. Похищены какие-то ценные вещи. Но эта кража, кажется, совершена, чтобы пустить следствие по ложному следу. Воры искали что-то важное, перевернули весь дом, но...

– Почему ты так думаешь?

– У артистки были вещи более ценные, чем те, что пропали. Каминные часы начала девятнадцатого века, несколько бронзовых статуэток работы известных мастеров. Их не тронули. А взяли какие-то вазочки. После неудачной акции в Москве злоумышленники решили выяснить: может быть то, что они ищут, хранится на даче Антоновой. Трудность в том, что Антонова не выходит с участка. Поэтому бандиты действовали прямолинейно и грубо. Они вошли в дом, жестоко убили хозяйку. Ее ударили в сердце самодельной заточкой, сделанной из напильника. Тут вернулся ее теперешний муж торговец обувью Рафик Амбарцумян. Мужчина редкой физической силы. Через окно злоумышленники видели, как он открыл калитку и по тропинке направился к дому.

– Надо понимать, что Амбарцумян не знал, что в доме незваные гости?

– Уже стемнело, свет в окнах горел, и шторы не были задернуты. Но, скорее всего, он ничего не понял. Толкнул дверь, вошел в дом. И в прихожей получил две пули из пистолета ТТ. В грудь и в правое плечо. Несмотря на ранение, Рафик бросился на бандитов, которые не смогли добить его третьим выстрелом. Перекосило патрон в патроннике. Пистолет паршивый, китайский. Завязалась ожесточенная потасовка. Вся прихожая и большая комната в пятнах засохшей крови. Брызги бурого цвета на стенах и потолке. Бандиты, видимо, открыли металлический ящик, где хозяин хранил карабин «Тагр» и патроны. Рафика прикончили тремя выстрелами из карабина. Выстрелы услышали милиционеры из патрульной машины, проезжавшей неподалеку.

Они остановились у дома и прошли тем же маршрутом, которым шел Рафик. Оказались в прихожей. И нарвались на пули. Один милиционер тяжело ранен, сейчас он в больнице. Другой был убит на крыльце дома. Через пять минут на место происшествия приехали мы: водитель, начальник местного отделения лейтенант Суворов и я. Завязалась перестрелка. Суворов прошлой ночью скончался в больнице. Одного бандита я подстрелил.

– А второй? – уточнил Богатырев.

– Ушел. На сломанной ноге я еще не научился быстро бегать. Личность убитого установлена. Некий Максим Клоков. Тридцать пять, из которых девять отсидел в тюрьмах и колонии для малолетних преступников. Ему мотали срок за убийство, умышленный поджог, грабеж, подделку векселей, угон транспортного средства. На зоне стал наркоманом. В кармане Клокова нашли две дозы героина. Личность соучастника преступления пока не установлена. Из тех отпечатков пальцев, что криминалисты сняли в доме, по нашей картотеке проходит только убитый Клоков.

– Если вы определите, что же искали эти парни, работать станет легче, – сказал Богатырев. – Я так понял, версий у тебя никаких? И зацепок тоже?

– Клоков освобожден два месяца назад, – ответил Девяткин. – Я выясняю, где он жил все это время. И какие у него были связи на воле.

– Что известно об Антоновой?

– Театральная актриса на пенсии. В московском художественном театре ей не дали главную роль в новой постановке. Она обиделась и хлопнула дверью. Долгие годы она поддерживала близкие отношения с известным театральным режиссером Сергеем Лукиным.

– И что с того?

– Может, вы помните: несколько месяцев назад Лукин погиб в результате дорожно-транспортного происшествия.

– Какое отношение этот режиссер имеет к нашему делу?

– Я сам толком не знаю, за что зацепиться. Поэтому собираю весь материал. Есть пара версий, но они такие хлипкие... Дунь – и разлетятся.

– М-да, я ждал от тебя хотя бы предварительного результата. Запомни: чем версия проще, тем она ближе к правде.

Богатырев задумчиво посмотрел на подчиненного и щелкнул пальцами.

– Ты вот что, послушай... Раз случилась эта история с ногой, я тебя вычеркиваю из списка.

Он взял красный карандаш и что-то нацарапал на бумаге.

– Малая и большая берцовые кости срастаются за три недели, – заволновался Девяткин. – Даже раньше. И врач говорил, что гипс через двадцать дней снимут. Всю жизнь мечтал побывать в Париже.

– Тут дело тонкое, можно сказать, политическое, – покачал головой Богатырев. – Кости, конечно, срастутся. Но после того, как гипс снимут, ты будешь прихрамывать еще недели две-три. Потому что мышцы и порванные сухожилия быстро не восстановятся. А французам известно, что у нас в милиции людей не хватает. Ну, они на тебя посмотрят и решат, что дела наши совсем плохи. Что даже хромых инвалидов берем на службу.

– Не будет у меня никакой хромоты.

– Это ты сейчас так говоришь. Кроме того, тебе много работы подвалило. Не хочу отвлекать от дел занятого человека. Все, свободен. В Париж съездишь своим ходом. Когда получишь премию за образцовую службу.

* * *

По дороге в Москву Дорис молча разглядывая темное полотно дороги и хмурое небо. Грач изредка отпускал какие-то замечания и вспоминал следователя.

– Этому сельскому парню можно доверить только одно. Караулить склад со свеклой. Или сенной сарай. Но вряд ли он и с этим справиться. В первый же день растащат и сено, и свеклу.

Он угрюмо замолчал, о чем-то думал, хмурился и взрывался новой тирадой.

– Господи, и где же таких дураков беру? Где их находят? На помойках? Он заявил, что дневник моего отца – это просто бумага, которая ничего не стоит. Какая-то ложка или чашка – это имущество, имеющее свою цену. А мысли великого режиссера – это мусор.

Он прикуривал сигарету, жадно затягивался.

– Для начала пойду на прием к начальнику Главного управления внутренних дел Москвы. Попрошу отправить на место происшествия бригаду квалифицированных криминалистов. А если меня не примут, пойду к прокурору, напишу жалобу. Я их заставлю шевелиться. Эх, черт... Мебель как жалко. До слез. И страховка недавно кончилась. А дневник? Боже мой, дневник...

– Вы можете обить испорченные кресла и диваны новой тканью, – Дорис крепче сжала ручку сумки, лежавшей на коленях. – Подберите похожий материал. Вещи будут выглядеть как новые. Что касается дневника, возможно, он найдется. Всякое в жизни бывает. Может быть, его подбросят.

– Такие вещи воруют не для того, чтобы возвращать, – покачал головой Грач. – Ясно, что этот пойманный бандит действовал по заказу какого-то богатого человека. Он знал, что искать. Устроил в доме кавардак, испортил мебель. Для вида взял какую-нибудь ерунду, серебряные ложки и вилки. На обратной дороге утопил их в реке. Потом передал дневник посреднику, получил деньги. Даже напиток успел до приезда милиции. Но исполнитель, конечно же, не знает имени заказчика. В глаза его не видел. И внешность посредника уже забыл.

* * *

Дорис вышла возле гостиницы. Она поднялась на шестой этаж, прошла по коридору, застеленному бежевым ковром. Остановилась у своей двери и вставила магнитную карточку, заменявшую ключ, в прорезь замка. Она вошла в номер, помыла руки и лицо. Усталость тянула ее к кровати, но ясно, что после ночных волнений сна все равно не будет. Она выглянула в

окно, села на стул, осмотрелась по сторонам. Набор косметики, всегда лежавший на тумбочке, почему-то оказался на полу. Ноутбук был сдвинут на край письменного стола.

Дорис поднялась, открыла дверцу шкафа, встроенного в стену. Костюм в полоску, который она еще не надевала в Москве, висел не в дальнем конце шкафа, а гораздо ближе. Прозрачная пленка, в которую был завернут синий с золотыми пуговицами пиджак, сорвана. Сейчас половина девятого утра, значит, уборщица еще не приходила. Но в номере кто-то побывал. Дорис взяла сумочку, вышла в коридор, спустилась вниз и оказалась на улице. Прошагав четыре квартала, вошла в помещение почты.

– Сколько идет бандероль по Москве? – спросила она у женщины в синем халате, стоявшей по ту сторону стойки.

– Обычно дня три-четыре.

Что ж, три дня – срок вполне достаточный, чтобы прийти в себя, собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

– Бывают задержки?

– Очень редко, – женщина покачала головой и стала упаковывать в пленку дневник Лукина.

Вскоре Дорис вышла на улицу и огляделась по сторонам. Пока она отправляла дневник самой себе на адрес гостиницы, на небо набежали тучи, полил дождь. Дорис зашла в ресторан и присела к столику возле витрины. Дождь заливал стекло, пешеходы бестелесными тенями появлялись ниоткуда и растворялись в серой мгле. Дорис пила кофе и думала, что, возможно, Грач прав. Человек, которому очень хочется получить дневник, не плод расстроенных нервов, он действительно существует. Человек этот жесток и опасен. И в своих поисках он не остановится ни перед чем.

Грач уверял, что еще неделю назад дневник отца находился в банковской ячейке. Грач получил тетрадь, чтобы Дорис почитала этот уникальный документ и, заинтригованная, позволила в Нью-Йорк знакомому меценату. А дальше все просто: стороны вступили бы в переговоры, сумели договориться о цене, и Грач стал немного богаче. Прошла неделя, как дневник покинул стены банка, а сколько всего произошло. Возможно, из-за этой тетрадки, исписанной неразборчивым почерком, убили невинного человека.

Дорис допила кофе, не дожидаясь, когда дождь кончится, и вернулась в отель, поднялась на этаж. Вышла из лифта, свернув налево, а затем направо. Толстый ковер гасил звук шагов. Коридор был довольно длинный, вокруг стояла такая тишина, будто она осталась одна на всем этаже.

Магнитный ключ уже был в руке, когда из-за ближнего поворота показался невзрачный мужчина среднего роста. За секунду мужчина оказался рядом и, коротко размахнувшись, ударил ее открытой ладонью по лицу. Другой рукой попытался сорвать с плеча ремешок сумочки. Дорис шатнуло, показалось, будто на миг выключили свет, и стало совсем темно. Она вцепилась в сумку мертвой хваткой. Борьба проходила молча, никто из противников не проронил ни слова, не издал ни звука. Дорис, что было силы, тянула сумку на себя, мужчина пытался вырвать ее. Дорис закричала, но крик вышел слабым, тихим. Незнакомец сильнее дернул сумку.

– Лучше дай сюда, сука, – прошипел он.

Но Дорис не собиралась уступать, она крепко держала сумку за обе ручки. И, кажется, в этой схватке была готова победить. Но неожиданно мужчина шагнул вперед и так ударил ее по щеке, что слезы брызнули из глаз. Дорис толкнула плечом дверь чужого номера, но сумку не выпустила. Она попробовала снова закричать, но горло сдавил спазм, а воздуха стало не хватать. Сбрав силы, она до боли сжала пальцы. И тут в одной руке мужчины увидела что-то вроде тюбика с помадой, только большого. В лицо ударила вонючая до тошноты струя газа.

Очертания человека мгновенно расплылись, коридор сдвинулся с места и закружился. Сила, с которой Дорис держала сумку, превратилась в пар. Она пыталась глубоко вздохнуть, но не смогла. Пальцы разжались, она прислонилась плечом к стене, чтобы не упасть. Но стена почему-то оказалась не вертикальной, а наклонной. Дорис, цепляясь за нее, сползла вниз, на ковер. Зашла сухим кашлем и провалилась в темную пустоту. Возможно, она пролежала в коридоре минут пять, может, полчаса.

Сознание вернулось. Кто-то хлопал ее по плечу. Дорис оттолкнулась рукой от пола и села. Рядом стояли два мужчины в темно-синих костюмах и галстуках, на карманах приколоты целюфанованные кусочки картона с именами и фотографиями гостиничных охранников. Один из них помог подняться. Голова кружилась, а в глазах щипало. Сумочка лежала на ковре, тут же валялась записная книжка, очки и еще какие-то мелочи.

– Я старший смены, – сказал один из мужчин, поддерживая Дорис под локоть. – Что тут произошло?

– Ничего. У меня вдруг голова закружилась... Иногда со мной такое бывает.

– Нам звонили. Сказали, что слышали в коридоре женский крик.

– Вероятно, я закричала, когда падала.

– Вы точно в порядке?

Старший охранник помог собрать все, что лежало на полу, и проводил Дорис до номера. Пошатываясь от слабости, она побросала вещи в чемодан. Села к столу, включила компьютер и забронировала номер в одной из гостиниц в самом центре города. Затем позвонила портье, сказала, что съезжает и попросила вызвать такси. Через час она распаковала чемодан в другом номере другой гостиницы. Покончив с этим, задернула занавески, повалилась на кровать и мгновенно уснула.

* * *

Юрий Полозов, глава юридической фирмы «Саморуков и компаньоны», с утра пребывал в бодром настроении. Спозаранку он успел посетить солярий, минут десять поработал с гантелями, четверть часа поднимал штангу. Затем принял душ, переоделся в сшитый у модного портного костюм, светлую итальянскую сорочку с запонками из розового золота, красно-желтый галстук и туфли из шкуры ската. Надел часы на кожаном ремешке и, взглянув в зеркало, остался доволен собой. Пиджак скрывал округлившийся живот, а яркий галстук молодил Полозова.

Он плотно подкрепился в буфете и, доедая пирожное, сказал девушке за стойкой: «Ерунда все эти упражнения. Разве так вес стонишь? Я сюда полгода хожу. Потеею, упираюсь, как этот... А результат? Я вам скажу какой. Обратный ожидаемому. Вот сейчас только аппетит нагулял». Юрий Семенович расплатился, вышел на воздух и с наслаждением выкурил сигарету. Он сел на заднее сидение машины и велел водителю ехать в офис. В десять часов встреча с одним бывшим чиновником, который присвоил и растратил на карты и проституток крупную сумму казенных денег, но до суда был отпущен.

Это не клиент, а головная боль. Мороки много, а исход дела – сомнительный. Все козырные карты у прокурора, поэтому растратчика, если у него нет связей на самом верху, посадят. Разговор с ним надо быстро свернуть. Потому что в полдень приедет по-настоящему важный клиент, давно потерявший счет своим деньгам. Он затеял развод с очередной женой, но хочет все устроить так, чтобы из его капиталов женщине не досталось ни гроша. Конечно, ему можно помочь. Даже нужно. Ведь на адвокатов он денег не жалеет. Между этими двумя встречами есть окно, минут сорок. Надо вызвать к себе Диму Радченко, специалиста по уголовному праву, и дать ему поручение, напрямую не связанное с адвокатской практикой.

Для этого дела нужен парень, которого в армии, а Радченко проходил службу в специальных подразделениях морской пехоты, заставили позабыть, что такое страх. И научили защитить самого себя и своих близких. Дима с первого взгляда вызывает симпатии женщин, умеет расположить к себе людей. Плюс эрудиция и хорошо подвешенный язык. Но и недостатков хватает. Любит говорить правду. Особенно тем людям, кому ее знать не нужно, даже вредно. Слишком прямолинеен, есть воля к победе. Эти черты характера вылезают там, где надо проявить гибкость. Честно говоря, если бы не прямолинейный характер Радченко, его давно бы пересадили из кресла адвоката по уголовным делам в кресло полноправного партнера юридической фирмы. Впрочем, ему еще далеко до сорока, есть время что-то в себе исправить.

Ровно в десять в кабинет вошел чиновник, обвиняемый в растрате казенных денег. Этот весьма молодой человек надел поношенный стариковский костюм, передвигался как-то неуверенно, боком. И отводил взгляд, когда ему смотрели в глаза. Через пять минут разговора Полозов понял, что денег, припрятанных на черный день, у молодого человека нет. Он истратил все, что своровал. Значит, хорошего адвоката не может себе позволить. Через десять минут, задав несколько вопросов, Полозов пришел к выводу, что ни один защитник не поможет этому горемыке. И даже не в деньгах дело. Отсидев в следственном изоляторе месяц, он морально сломался. Капитулировал и теперь, кажется, готов дать следствию признательные показания.

Полозов снял с запястья часы, положил их перед собой на стол. И часто поглядывал на циферблат, давая понять, что времени у него – крохи. Да и те кончились. Наконец бывший чиновник боком протиснулся в дверь и пропал навсегда.

– Попросите ко мне Диму Радченко, – сказал Полозов, подняв трубку телефона внутренней связи. – И пусть поторопится.

Глава 5

Последний месяц своей непутевой жизни рецидивист Максим Клоков, которого подстрелил Девяткин, ночевал в частном доме Ивана Клокова – родного дяди со стороны отца. Поэтому визит к дяде значился первым пунктом в плане оперативно-розыскных мероприятий.

Девяткин и сопровождавший его старший лейтенант Саша Лебедев оставили машину на улице, а сами пошли к дому узкой тропинкой, зажатой между двумя заборами. Постучали в железную калитку и стали ждать хозяина, слушая, как по другую сторону забора гремит тяжелой цепью и заходится лаем собака.

Старший лейтенант Лебедев пару дней назад вернулся из Петербурга, где в соревнованиях по вольной борьбе среди сотрудников правоохранительных органов взял золотую медаль в супертяжелом весе. За награду Лебедев заплатил сполна. Его так основательно помяли на борцовском ковре, что на спине живого места не осталось. Правая скула распухла, под левым глазом расплылся синяк, кожа на подбородке была глубоко рассечена и грубо наспех зашита не слишком опытным хирургом. Своего противника Лебедев отправил в больницу.

– А вы уже хорошо со своим костылем управляетесь, – выдал сомнительный комплимент Лебедев. – Быстрее меня бегаєте. Да, быстрее.

Если Лебедев говорил начальнику что-то приятное, значит, скоро начнет приставать с просьбой: отпустить его на очередную тренировку или на свидание к девушке. Впрочем, девушка отпадает. С такой физиономией надо отменить все свидания.

– Спасибо, – ответил растроганный Девяткин. – Тебе на тренировку что ли? Или к девушке?

– К массажисту. А потом в бассейн.

– Сегодня не отпущу. Дел полно. А тебя и так с фонарями на работе не найдешь. То ты на соревнованиях медаль получаешь, то в бассейне плаваешь. Живешь как король. Фигурально говоря: ты на лошаде едешь, а я за тобой дерьмо собираю.

– Ладно, – вздохнул Лебедев. – С массажистом на выходные договорюсь. А правду говорят, будто вас в Париж отправляют? Ну, для обмена опытом с французскими жандармами?

– Хотели отправить, – уныло кивнул Девяткин. – А потом сказали, что в вашем отделе Лебедева постоянно нет на месте. Если еще и Девяткина в Париж командировать, работать некому будет. Короче, меня оставили.

– Выходит, из-за меня? – заволновался Лебедев.

– А ты как думал? – вопросом ответил Девяткин. – Из-за кого же еще?

С другой стороны калитки через вделанный в калитку глазок незваных гостей рассматривал хозяин дома.

– Кто? – тонким голосом, словно подражая ребенку, спросил хозяин.

– Уголовный розыск, – ответил Девяткин. – Открывай, Клоков. Это я тебе час назад звонил по телефону.

Лязгнул запор, дверь отворилась, Клоков испугано глянул на физиономию Лебедева и, решив, что пришли бандиты, друзья покойного племянника, хотел захлопнуть дверь у них перед носом. Но Девяткин успел вставить в проем костыль. Оттолкнув хозяина, он ступил на тропинку, ведущую к большому кирпичному дому.

– Убери овчарку, – сказал Девяткин. – Если эта собака притронется к моей здоровой ноге, считай – все. Тут, на этом вот месте, будут лежать два трупа. Собаки и твой. Кто еще в доме?

– Никого.

Хозяин провел милиционеров через летнюю веранду и длинный коридор на кухню. Девяткин, присев на стул, закурил и стал задумчиво смотреть в окно. Лебедев закрылся в туалете.

– Для того, чтобы вот так запросто вламываться в помещение, где люди живут, надо, так сказать, бумагу иметь соответствующую, – сказал Клоков старший. – У вас есть бумага?

– И бумага и печать. И все прочее, – Девяткин похлопал себя по карману пиджака. – Все тут.

В кармане лежала пачка американских сигарет и презерватив. Сегодняшним вечером намечалось романтическое свидание с одной женщиной, благосклонности которой Юрий Иванович добивался последние десять дней. И, кажется, созревший плод готов упасть прямо в этот самый карман. График мероприятий уже составлен. Сначала ужин в кафе «Фиалка», затем такси и, наконец, квартира Девяткина. На продавленный матрас он утром положил толстое одеяло, так что дефект сразу не заметишь. А, может быть, женщина пригласит его к себе в гости. У нее наверняка уютнее, чем в его холостяцкой конуре. И пахнет цветами, а не пылью. Гипс на ноге делу не помеха, если любовь настоящая...

Девяткин раздавил окурочек в пепельнице. Что искать в этом доме со множеством комнат, просторными кладовками и подвалом, он не знал. Мало того, сомневался, что племянник Ивана Ивановича, погибший от его пули, мог оставить тут что-то мало-мальски важное. С другой стороны, у покойного Клокова были деньги на кокаин, а он в Москве дорогой. Значит, где-то он должен хранить наличность. Наверняка найдется пара писем с именами приятелей или подруг, записная книжка или другая важная для следствия вещь.

Тем временем в соседней комнате Клоков засунул в тайник за диваном последнюю пачку денег, что не успел спрятать до прихода милиционеров. Он вытер лоб, покрытый горячей испариной. Что-то он сегодня разволновался, будто первый раз с ментами общается. Всю жизнь Клоков проработал в торговле и на продуктовых складах. Заведующий магазином, заместитель заведующего торговой базой и так далее – послужной список впечатляет. И всегда на руководящих должностях. Дважды судим за хищения. Оба раза освобожден условно-досрочно за примерное поведение.

Год назад Иван Иванович решил завязать с делами и уйти на покой. Он сказал себе, что всех денег не украдешь, хотя и очень хочется. Пятидесятивосьмилетний Клоков давно обеспечил свою старость, а также старость жены. Веселую жизнь двух взрослых детей и безбедное существование молодой любовницы, которая сегодня будет ждать его в квартире, купленной для тайных встреч.

– Вот же сукины дети, – прошептал себе под нос Кловков и, набрав рабочий телефон жены, перешел на таинственный шепот. – Лариса? К нам милиция нагрянула. Только ты не волнуйся.

Девяткин, услышав чье-то тихое бормотание, снял трубку параллельного телефона и стал слушать разговор.

– И ментов прислали самых завалящих, никудышных, – говорил Иван Клоков. – Один весь избитый, как собака. На морду смотреть страшно. Синяк на синяке. А второй и вовсе со сломанной ногой. То ли инвалид какой, то ли что... На костыле болтается. Я сначала думал, бандиты пришли. А это милиционеры. Господи, думаю, до чего милиция докатилась.

– А что они сейчас делают? – спросила жена. – Милиционеры хуже жуликов. Упрут половину вещей. И спроса с них никакого. Иди, смотри за ними...

– Да не упрут, – отвечал Клоков взволнованным шепотом. – Говорю тебе – один из них хромой. Второй едва на ногах стоит, потому что добрые люди ему по морде надавали. Жаль, совсем не прибили.

Девяткин положил трубку и стал думать, с чего начать обыск. По инструкции положено начинать от входной двери и дальше идти по кругу. Но если так искать, до завтрашнего вечера тут проторчишь.

* * *

Дима Радченко вошел в кабинет начальника и сел за стол для посетителей.

– Слушай, у меня новость, – хозяин адвокатской фирмы господин Полозов поднялся из кресла и прошелся по кабинету. – И новость эта – хорошая.

– Меня повышают?

– Только не оstri, – ответил Полозов. – Тебе хорошо известно, что по служебной лестнице быстро продвигаются маменькины сынки. Со способностями ниже среднего уровня. Или ребята с большими связями. Это аксиома. Надо ее запомнить и больше не касаться этого вопроса. Пусть они стоят выше тебя на одну ступеньку общественной лестницы. Пусть... Но зато им никогда не справиться с тем делом, которое ты последний раз выиграл в суде. За убийство при отягчающих обстоятельствах нашему клиенту грозило пятнадцать лет – это минимум. А он отделался четырьмя годами лишения свободы. Ты нашел новые обстоятельства, которые упустило следствие. Убийство переквалифицировали на нанесение тяжких телесных повреждений, повлекшее смерть потерпевшего... Ты все знаешь лучше меня.

– Мой подзащитный мерзкий тип. Расчетливый хладнокровный убийца.

– Брось трепаться. Адвокат – это тот же врач. А врачу все равно, кому спасать жизнь. Бандиту или честному гражданину. И ты так поступил, несмотря на неприязненное отношение к тому клиенту. Он, если я не ошибаюсь, во время ночевки на природе задушил своего компаньона, когда тот спал в палатке. Застегнул спальный мешок, добавив для веса пару тяжелых камней. дождался ночи. Вывез свой груз на середину озера и утопил. Кто бы мог подумать, что неподалеку окажутся рыбаки, дожидавшиеся рассвета в своей лодке. Поэтому я всегда говорю: ты золотой парень. Только одеваться не научишься. Экономишь на тряпках, покупаешь дешевые костюмы. И выглядишь как беженец из Польши.

– Этот костюм я купил в Италии. В дорогом магазине.

Радченко гадал про себя, что будет дальше. Если Полозов решился на похвалу, значит, жди неприятностей. Могут поручить тяжелое заведомо проигрышное дело, в котором завязнешь, как корова в болоте. Потратишь массу времени и усилий, никого не спасешь, но свою репутацию утопишь. И тот же Полозов в этом самом кабинете будет крыть тебя последними словами, а потом даст шанс исправить свое реноме. И положит на стол папку с еще одним тухлым делом...

– Ну, что задумался? – Полозов круто развернулся и, наклонившись, похлопал Диму по плечу. – Наверняка сидишь сейчас и просчитываешь, что за гадость у меня на уме. Так?

– Я думал совсем о другом.

– Только не ври – это у тебя плохо получается, неубедительно. Итак, тебе снова выпал счастливый билет. В скобках замечу, что мне эти билеты не доставались никогда. Так уж устроен мир: одним все, другим ничего. У меня есть только это кресло, куча хронических болезней и немного денег. Случалось, что из офиса уходил последний клерк. Даже тот старик, который моет туалеты. А я засиживался за бумагами до ночи. Вдруг слышу тихий скрип паркета. Я не верю в призраки, но тут мороз по коже пробегает. Чувствую, что за спиной кто-то стоит. Оглядываюсь. Да, дружище, это моя старость подкрадывается, чтобы схватить меня за мягкое место.

– Тяжело вам приходится. Но до старости еще далековато. И тихие шаги за спиной еще рано слышать.

Полозов упал в кресло и задрал ноги на стол.

– Если не слышишь шагов старости, то обязательно слышишь свой счетчик, – он ткнул пальцем в левую сторону груди. – Он, брат, щелкает. Отмеряет мгновения жизни. Но когда-нибудь эта машинка сломается. Словом, мне всегда достаются сомнения, тревоги и пыльная

бумажная работа. А у тебя красивые девочки, мотоциклы и море приключений... Но буду конкретен. У тебя есть шанс познакомиться с потрясающей женщиной. Редкая красавица.

Полозов бросил на стол несколько цветных фотографий.

– Фотомодель. Даже лучше. Дорис Линсдей. На самом деле она самый продвинутый американский специалист в области современного театра. Свободно говорит по-русски. Автор трех книг и множества журнальных публикаций. Ей чуть за тридцать, но она уже человек с мировым именем. Сейчас она сотрудничает с музеем современного театра в Нью-Йорке. Там, за океаном, выделяют пару русских театральных режиссеров. Один давно умер. Другой скончался пару месяцев назад – это Сергей Лукин. Надеюсь, слышал о нем?

– Даже видел пару его спектаклей, – кивнул Радченко. – У меня жена любит театры. И меня водит за собой. На веревочке.

– Тогда тебе и карты в руки, – Полозов расплылся в улыбке. – Навестишь Дорис в гостинице и постарайся успокоить. Ей мерещится, будто за ней следят. Она утверждает, что в ее гостиничном номере кто-то побывал, копались в вещах, что-то искали. В тот же день человек пытался напасть на нее в коридоре гостиницы. После инцидента, случившегося четыре дня назад, она сменила гостиницу.

– В коридорах приличных отелей установлены видеокамеры, – возразил Радченко. – Безопасность постояльцев гарантирована.

– Но тут, это удалось выяснить через службу охраны отеля, видеокамера почему-то не работала. По натуре Дорис не истеричка, не паникер. Она не пьет, не прикасается к наркотикам и глюциногенам типа LSD. Не страдает манией преследования. Она уравновешенный человек. Нет оснований ей не верить. И все же... Вопросы остаются.

– Как это дело свалилось нам на голову? – спросил Радченко.

– Позвонил один уважаемый господин из Нью-Йорка, его зовут Дэвид Крафт, – Полозов раскачивался в кресле и смотрел в потолок. – Он одинокий человек, вдовец. У Дэвида большой бизнес. Еще он меценат и спонсор театрального музея в Нью-Йорке. Как я понял, он ценит Дорис вовсе не за то, что она крутой специалист по современному театру. В его сердце пробудилась запоздалая любовь. У них с Дэвидом роман или любовь, называй как хочешь. Короче, Дорис рассказала ему о своих страхах. Дэвид посоветовал ей срочно возвращаться обратно. Но Дорис слушать ничего не хочет, она человек по-своему упрямый, самостоятельный. Если взялась за исследование творчества Лукина, то доведет дело до конца. Пока не соберет материал для книги, она останется в Москве. Что скажешь?

– Упрямство – одна из форм тупости.

– Дэвид просил меня присмотреть за этой дамочкой. Обращаться в милицию он не хочет, в этом случае неизбежна огласка. Еще он не хочет приставлять к Дорис парней из нашей службы охраны. Надо все сделать тонко, ненавязчиво. Съезди к ней, поговори, выясни подробности этой истории. Я понимаю, это дело не для адвоката. Но из моих людей – ты самый подходящий для такой работы.

– Дорис надо бы обратиться к врачу. Чтобы прописал успокоительное.

– Эти комментарии оставь при себе, – помрачнел Полозов. – Дэвид Крафт – человек с добрым сердцем и толстым кошельком. Не хочется расстраивать его отказом. Дэvidу рекомендовал обратиться в нашу фирму один видный бизнесмен, его друг. Которого мы опекали, когда тот вздумал открыть свое дело в Москве. Но дело не пошло. На него наезжали бандиты, а чиновники тянули деньги. Короче, он бросил эту глупую затею. Решил, что лучше продать бизнес, чем отдать его бесплатно бандитам.

– А вы иного мнения?

– Мое мнение никого не интересует, – ушел от ответа Полозов. – Дэвид, услышав рассказы друга, еще больше разволновался. Я говорил с ним по телефону, старался успокоить. Сейчас ты поедешь в отель, где остановилась Дорис. Твой номер по соседству с ее номером.

Ключ получишь у портье. Будешь работать на пару с Максимом Поповичем из отдела безопасности. Он неглупый парень. Даже знает сотню английских слов. Ты за старшего. Составь график. Дежурство двенадцать часов, потом отдых. Мне докладывать обо всем каждый день. Если потребуется помощь, проси. Но если с головы этой женщины хоть волос упадет... Даже не знаю, что сделаю. Ты, брошенный женой и друзьями, кончишь жизнь, собирая милостыню в самом паршивом районе города. Где ни хрена не подадут. Потому что в хороший район я тебе закрою доступ. Задача ясна?

– Более или менее.

Полозов спустил ноги со стола, на прощание пожал Радченко руку и, похлопав по плечу, сказал:

– Дело легкое, даже приятное. Но будь внимательным, не облажайся. Знаешь... Все-таки твои костюмы мне не нравятся.

* * *

Клоков вышел на кухню, шаркая войлочными тапочками.

– А я с супругой говорил, – сказал он. – Велела вас чаем напоить. А то бегаєте целый день без отдыха, так сказать, бегаєте... Работа тяжелая, я это понимаю.

Он покосился на костыль и гипс милиционера.

– Спасибо, – ответил Девяткин. – Давай для начала пару вопросов без протокола. Племянник оставлял тебе какие-то вещи на сохранение?

– Нет, ничего такого, – скороговоркой ответил дядя. Он продолжал сладко улыбаться. И вставлял к месту и не к месту любимое выражение «так сказать». – Да какие у него вещи... Недавно, так сказать, из тюрьмы вышел. Не успел вещами-то обзавестись. Я его кормил, поил. Так сказать, на последние гроши... На свою скудную пенсию. Я ведь инвалид.

– Знаю, какой ты инвалид, – махнул рукой Девяткин. – Где и у кого ты свою инвалидность покупал, догадываюсь. Будет время, разберемся и с этим.

– Господи, да у меня сто одна болезнь, – пожаловался Клоков.

– Не хочешь по-хорошему, придется обыск проводить, – вздохнул Девяткин.

Три дня назад Клокова старшего поставили в известность о гибели Максима. Но по телефону никаких подробностей случившегося не сообщили. Дежурный офицер, который общался с Иваном Ивановичем, сказал, что тело можно будет забрать из судебного морга через несколько дней, когда будет закончена экспертиза. «А в связи с чем он, так сказать, скончался?» – спросил дядя. Он старался говорить на скорбной ноте, но получалось плохо. За те полтора месяца, что племянник жил у дяди, Клоков спокойно не спал ни одной ночи. Боялся, что вместе с Максимом явятся его друзья и хорошенько пошуруют в дядином матрасе. И еще кое-где. Найдут тайники с наличными деньгами, рассованными по всему дому. А самого Ивана Ивановича вместе с женой удавят на одной веревке. Мучительно хотелось выставить племянника из дома, но язык не поворачивался сказать хоть одно слово поперек.

«Он скончался в связи с полученными огнестрельными ранениями, – ответил офицер. – Подробности узнаете в морге». На языке Клокова вертелось сто вопросов, он хотел спросить, от какой пули погиб его племянник, от милицейской или от бандитской. Но осторожность переборола природное любопытство.

«Видите ли, я человек бедный, – сказал он офицеру. – Поэтому тело племянника забрать не могу. Не имею средств, так сказать, чтобы предать его прах земле. Сам последние копейки считаю. На гроб себе откладываю гроши. Да и какой он мне родственник... Одно название – племянник. Я его видел редко. Он все по тюрьмам путешествовал».

«В этом случае вам нужно знать следующее, – вежливо заметил офицер. – Максим Клоков будет похоронен за счет государства. В безымянной могиле. Вместе с бродягами и неопо-

знанными криминальными трупами. Вас это устраивает?». «И пусть, – обрадовался Клоков. – Не за мой же счет его хоронить. Слава богу, родное государство помогает».

Вот такой разговор вышел. Можно сказать, приятный разговор.

* * *

Опираясь на палку и костыль, Девяткин поднялся и обошел первый этаж дома. Остановился в большой комнате, где во всех углах красовались посудные серванты и горки, заставленные старинным фарфором, серебряными тарелками, конфетницами и подносами.

– Красота какая, – сказал Девяткин. – Хоть в музее выставляй.

– В свое время по случаю покупал, – поморщился Клоков, не любивший, когда на его коллекцию смотрят посторонние люди, тем более милиционеры. – Так сказать, за копейки. Тут вещей Максима нет.

Девяткин подошел к невысокой горке, отставив палку, распахнул створки, вытащил фарфоровое блюдо, расписанное вручную. Полюбовавшись сюжетной картиной, изображавшей дородную нимфу, парящую в небесах, Девяткин хотел было поставить ценную вещь на прежнее место, но вдруг оступился. Пальцы разжались, блюдо выскользнуло из рук. Тонкий фарфор разбился вдребезги, разлетевшись на мелкие осколки.

Сердце Клокова замолотилось, как собачий хвост, на глазах выступили слезы. Он застыл на месте с раскрытым от ужаса ртом.

– Вот черт, – покачал головой Девяткин. – Прошу прощения. Со мной всегда так: бью то, что больше нравится. А вот эта фигурка тоже фарфоровая?

Девяткин поднял палку и ткнул резиновым набалдашником в статуэтку мальчика, державшего на руках мохнатого щенка. Фигурка, стоявшая на краю серванта, покачнулась. Клоков закрыл глаза, а когда открыл их, мальчик лежал на полу. Отколотая голова валялась под стулом, а рука закатилась под стол. Но Девяткин уже протягивал палку к другой фигурке, женщине в бальном платье.

В это время Лебедев шурувал в спальне. Он выдвинул ящики комода и вывалил их содержимое на пол, затем стал выбрасывать из шкафов вещи теперешней жены Клокова. Переворачивая матрас, он ненароком заехал по люстре с хрустальными висюльками, разбив сразу два светильника на витых ножках.

– Подождите, – прошептал Клоков. – Бога ради, подождите... Я видел, как племянник что-то прятал в подвале. Только не трогайте фарфор. Я его всю жизнь собирал.

* * *

Клоков спустился по бетонным ступеням в подвал. В темноте пищали потревоженные мыши. Лампочка в ржавом отражателе вспыхнула, осветив темные углы, заставленные коробками и ящиками, верстак и старый токарный станок. Тут хранилась негодная мебель, которую жалко было выбрасывать. Пара кресел с плюшевой обивкой, местами прохудившейся, стол с круглой полированной столешницей, на которой гвоздем нацарапали пару нецензурных слов. Поломанные стулья, завешенные паутиной. Пахло собачьей шерстью и жидкостью для выведения клопов.

Кирпичные стены сочились влагой, а на бетонном потолке проступали пятна ржавчины. Клоков с трудом пробирался между залежами барахла, за ним, ритмично постукивая костылем, двигался Девяткин. Замыкал шествие Лебедев. Настороженный и мрачный, он будто чувствовал что-то недоброе. На всякий случай он снял пистолет с предохранителя и переложил его из подплечной кобуры в карман куртки.

– Копите эту рухлядь для потомков? – спросил Девяткин.

– В хозяйстве все пригодится, – ответил Клоков. – Мой отец никогда ржавого гвоздя не выбрасывал. А увидит, что гвоздь на дороге валяется, наклонится и подберет. Такие люди. Умели деньги считать. Не то, что мы.

Он повернул направо, нашарил на стене выключатель и зажег лампу в дальней части подвала. Тут старого хлама было меньше. Отдельно стоял пожелтевший от времени холодильник, пара велосипедов со спущенными шинами. В углу раковина с краном, из которого капала вода. На самодельном столе, сваренном из листов железа и арматуры, стояла кастрюля и пара грязных тарелок.

Клоков забрался коленями на стол, вытащил из стены пару кирпичей и аккуратно положил на столешницу. Запустив руку глубже, достал еще три кирпича. Девяткин с Лебедевым стояли за его спиной и переглядывались. Клоков запустил руку в образовавшуюся дыру, прижался щекой к стене, пытаясь до чего-то дотянуться.

– Нет, руки слишком короткие, – оглянувшись, он посмотрел на старшего лейтенанта Лебедева. – Вот вы достанете. У вас и рост высокий и руки как эти... Длинные.

– Ползай, – скомандовал Девяткин.

Забравшись на стол, Лебедев встал на него коленями и сунул руку в темный проем. Он засопел, пытаясь зацепиться за что-то кончиками пальцев. Придвинулся ближе, прижался плечом к стене, вытянул руку во всю ее длину.

– Ой, что-то скользкое, – хрипло прошептал Лебедев. В подвале было нежарко, но лицо блестело от пота. – Ух... Скользкое и липкое. Никак не ухватчу. Зацепиться не могу. Надо бы дальше руку просунуть.

– Так просовывай, – Девяткин почему-то тоже перешел на шепот.

Лебедев еще плотнее прижался к стене, вытянул руку так далеко, как только мог. Хозяин дома попятился назад и отвернулся. Девяткин, навалившись на палку и костыль, стоял неподвижно. Он нахмурил лоб, словно ожидал какой-то пакости.

– Достал, тяну....

Лебедев вытащил руку из дыры и бросил на стол запечатанную в целлофан пачку вермишели. Девяткин осмотрел добычу и не смог сдержать вздоха разочарования.

– Обычная вермишель, – сказал он. – Точнее, не совсем обычная. Произведена на первом образцовом комбинате. Это звучит.

Он повернулся к хозяину.

– Ты что, издеваешься?

– Мой племянник, когда вышел из заключения, какой-то чудной ходил, – Клоков часто моргал глазами. – Будто пыльным мешком прибитый. Он купил ящик тушенки, рассовал банки по всему дому. Купил вермишель. Ночью варил и ел. Ему казалось, что еды слишком мало. И что в магазине эти чертовы макароны кончатся. И тогда придется голодать. Через пару недель это прошло. Вы еще в тайнике посмотрите.

Девяткин протянул Лебедеву свою палку. Старший лейтенант гнутой рукояткой зацепил что-то, дернул на себя. Через минуту все трое склонились над столом, на котором лежал рюкзак из синтетической ткани. В кармашках пакетик с белым порошком, пистолета Макарова со спиленными номерами и глушитель к нему, две коробки с патронами. В большом отделении рюкзака – пара байковых рубашек, тренировочные штаны, толстая пачка денег, перехваченная резинкой. И еще три заточки с деревянными рукоятками, сделанные из обычных трехгранных напильников.

Девяткин вертел в руках заточку.

– Это штука подпилена в основании. Втыкаешь такую, например, в грудь жертвы, дергаешь рукоятку вниз или вверх. Лезвие обламывается и остается в теле жертвы. Один удар. И он всегда смертельный. Что важно: на убийцу не попадает ни капли крови. Кстати, актриса

Лидия Антонова была заколота такой штукой. Похоже, твой племянник сам изготавливал эти игрушки. Для себя или на продажу. На том станке, что возле двери, а?

– Не знаю, – Клоков опустил взгляд.

– Что ж, надо звать понятых, – сказал Девяткин. – Будем оформлять изъятие.

Глава 6

Павел Грач оставил машину в квартале от того места, где была назначена встреча со старшим братом. Моросил дождь, пришлось поднять воротник плаща и надвинуть на глаза козырек кепки. Узкий переулок, поднимавшийся вверх, был пуст. Только на противоположной стороне пожилая женщина старалась справиться с зонтом, который ветер вырывал из рук.

Грач шагал неторопливо, словно хотел отсрочить встречу. После того, как Игорь последний раз вышел из тюрьмы, они виделись всего пару раз. Игорь приглашал младшего брата, чтобы поболтать и выпить вина. Встречи происходили на разных квартирах, потому что брат взял за правило не ночевать две ночи подряд на одном месте. Первый раз они увиделись в высотном доме на Рязанском проспекте. Игорь был немного пьян и настроен на лирическую волну, вспоминал какие-то полузабытые эпизоды детства, смешно их рассказывал. Он ни словом не помянул отца, не приставал с вопросами, и младший брат ушел за полночь с легким сердцем.

Второй и последний раз они встречались пару недель назад в прекрасном старинном доме, что в десяти минутах езды от Красной площади. Квартира была дорого и со вкусом обставлена. Павел хотел спросить, чьи это хоромы, но вовремя вспомнил, что брат не любит лишних вопросов. В тот раз Игорь завел разговор о дневнике отца. Дескать, кто-то пустил слух, будто та тетрадка не сгорела вместе с автомобилем. Интересно, у кого она. Надо бы достать дневник и почитать его на досуге. Так, ради любопытства.

Павел лишь пожал плечами и ответил в том смысле, что если тетрадь и сохранилась, в чем он очень сомневается, скорее всего, она у двух ближайших друзей отца. Может быть, у актера Свешникова Бориса Ефимовича. Или у Лидии Антоновой, в прошлом тоже артистки. Отец доверял этим людям, по-своему любил их, и если уж оставил личные записи, – только им.

«Значит у Свешникова или Антоновой? – переспросил брат. – Что ж, придется их побеспокоить. Хочется почитать изящную словесность отца». И засмеялся, будто удачно пошутил. «Зачем тебе дневник?» – набравшись храбрости, спросил Павел. Игорь сидел за обеденным столом, с которого только что убрали грязные тарелки, и держал в руках охотничий нож, словно собирался воткнуть лезвие кому-то под ребра. Но рядом не оказалось достойного кандидата. В эту секунду Павел почувствовал, как от безотчетного страха похолодели кончики пальцев. «Просто интересуюсь», – Игорь сделал короткий замах и всадил нож в полированную поверхность стола.

И вот сегодня новая встреча, и новый уже третий адрес квартиры, где временно остановился брат.

* * *

Павел вошел в темный внутренний двор и стал пешком подниматься на пятый этаж. Он делал остановки в конце каждого лестничного марша. А про себя повторял слова, которые скажет, когда речь пойдет о дневнике отца. Во-первых, надо сказать: «Отцовою писаниною я никогда не интересовался. Что он мог записывать? Разве что анекдоты. Или чего по работе». Во-вторых: портфель отца наверняка сгорел во время автомобильной аварии. А с ним сгорели все записи. Только врать надо убедительно, говорить ровно, без дрожи в голосе.

Конечно, еще остается один вариант: сознаться во всем. Сказать, что отцовские записи Павел получил, когда вступал в права наследства. Наличные деньги и ту тетрадь ему выдали в депозитарии банка. Павел сразу решил, что дневник – штука дорогая. Надо бы обрисовать круг лиц, заинтересованных в приобретении уникального документа. В тот день, пошелестев

страницами, Павел подумал, что у покойного отца был плохой почерк. Его писанину надо долго разбирать, пока воткнешься, что к чему.

Дело, помнится, было к ночи. Он сидел на кухне отцовской квартиры и смолил одну сигарету за другой. Давно стемнело, на небе висела луна, пахло жареным луком. И тут раздался телефонный звонок. Он услышал приятный женский голос. Незнакомка попросила прощения за беспокойство и представилась: Дорис Линсдей, искусствовед, старший сотрудник Музея современного театрального искусства из Нью-Йорка. Павел привстал с табуретки.

Дорис сказала, что пишет статью о творчестве Сергея Лукина и в ближайшее время будет в Москве, чтобы поговорить с его родственниками и коллегами. Грач осторожно завел разговор о вещах, оставшихся после смерти отца. И спросил, не заинтересован ли музей в их покупке. Дорис ответила в том смысле, что это, пожалуй, осуществимо. Но предметный разговор пока вести рано. Грач положил трубку, погладил ладонью обложку отцовского ежедневника и подумал, что на ловца и зверь бежит. Богатые американцы наверняка отвалят за тетрадку большие деньги.

Павел остановился посередине лестничного пролета, достал платок и вытер лоб. Он подумал, что плохо знает Игоря. Еще мальчишкой брат мальчишкой связался с местной шпаной и взрослым вором неким Шпагиным. И покатился по наклонной плоскости.

Родители устроили Игоря в Суворовское училище, надеясь, что военная дисциплина исправит его несносный характер. Но эксперимент закончился пшиком. Из училища мальчишку турнули, а в пятнадцать лет он уже попал в тюрьму для малолетних преступников. С той поры жизнь старшего брата следовала по маршруту: тюрьма – воля – тюрьма. Если вспоминать те немногие подробности, что известны об Игоре, становится страшно и омерзительно. Кажется, так было всегда, всю жизнь этот страх жил где-то под кожей, бродил в крови, словно заразная болезнь, от которой нет лекарства.

Павел остановился перед металлической дверью и, мысленно осенив себя крестным знаменем, нажал кнопку звонка.

* * *

Радченко переступил порог гостиничного номера. Максим Попович из отдела безопасности сидел у распахнутого настежь окна. Он задрал ноги на подоконник и прихлебывал кофе из бумажного стаканчика.

– Привет, – сказал Радченко. – Ты заступил на дежурство вчера в десять вечера? Значит, можешь отправляться домой. Теперь моя очередь.

– Спасибо, но я останусь, – Попович извлек из кармана немецкую губную гармошку с серебряными накладками и сыграл мелодию, отдаленно напоминающую «Мурку». – Эти дежурства в гостинице сейчас как нельзя кстати.

– В смысле?

– Я с Тamarой побил горшки. Хочу, чтобы она, оставшись одна, подумала о наших отношениях. Все взвесила. И решила для себя: есть ли смысл дальше строить супружескую жизнь. Ну, чего стоишь? Свари себе кофе. Тут все учтено. Здоровенный номер, две широкие кровати, интернет. Плюс пуховые подушки и шикарный вид из окна. Внизу бассейн, солярий, тренажерный зал. Я бы тут остался навсегда, если бы не дикие цены.

Радченко набрал телефон, услышав в трубке женский голос, и спросил, можно ли зайти прямо сейчас. Он вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Дорис оказалась моложавой блондинкой с серо-голубыми глазами и спортивной фигурой. Она протянула руку и спросила по-русски, хочет ли Дима содовой. Отказавшись, Радченко прошел в номер, присел к столу и похлопал себя ладонью по колену, решая, с чего начать разговор. Но Дорис опередила его:

– Наверное, для начала надо выложить мою московскую историю. Только, забегая вперед, скажу вот что. Я не уеду отсюда, пока не соберу материал для книги о Лукине. Даже если мне будут угрожать, все равно не уеду. А вас прошу быть со мной рядом.

Радченко молча кивнул, мол, все инструкции я уже получил от начальника. Дорис говорила минут двадцать, построив свое повествование по хронологическому принципу. Она взяла в руки записную книжку, прочитала заметки, которые делала с первого дня работы в Москве, и сопровождала их короткими комментариями.

Когда история закончилась, Радченко задал несколько вопросов. Исчерпав их запас, он сказал:

– Я не стану делать скороспелые выводы. Но трудно представить, что весь сыр-бор начался из-за дневника театрального режиссера. Пусть это известный талантливый человек, но... Он не популярный политик, не глава секретной службы и не крупный религиозный деятель. На моей памяти нет случаев, когда записи творческих людей становились бы предметом охоты бандитов. Скажите вот что: этот дневник представляет какую-то художественную ценность?

– Все записи Лукина представляют ценность. В том числе художественную.

– Я не то имею в виду. Там есть что-то важное не только для самого покойного режиссера, но и для людей важных, обремененных властью, влиятельных?

– Там есть записи о московских и иностранных режиссерах, о приятелях, знакомых. Есть несдержанные, даже оскорбительные замечания об актрисах и актерах, с которыми он работал. Но это все сугубо личное. В тех фрагментах, что читала я, ничего не написано о политиках или крупных бизнесменах.

– Ладно, будем разбираться.

– Я должна вернуть дневник Грачу, только не знаю, как это лучше сделать. Вы поможете?

– Конечно, – кивнул Радченко. – Где дневник?

– Понимаете ли... Я забыла сказать главное. По возвращении с дачи Лукина я сердцем почувствовала: должно случиться что-то недоброе. Это чувство близкой опасности сослужило добрую службу. Когда я шла коридором гостиницы, на меня напал человек, вырвал сумку. Порылся в ней и убежал. Часом раньше в сумке лежал дневник. Но я успела отправить его почтой на адрес этого же отеля. Мне сказали, что бандероль дойдет через три-четыре дня. Но прошла уже неделя. Кажется, дневник где-то потерялся. На почте его нет. И в гостиницу, где я раньше жила, его не доставили.

– Квитанция и чек у вас есть? Хорошо. Тогда я туда съезжу прямо сейчас. И в отель, где вы останавливались, загляну. Скажите, вы бы узнали того человека, который напал на вас в коридоре гостиницы? Запомнили какие-то особые приметы?

– Никаких особых примет я не заметила. Это невзрачный человек средних лет. В сером костюме и немодном галстук. Вроде вашего. Простите...

– Завтра я надену модный галстук, – пообещал Радченко. – У вас есть ко мне вопросы?

– Еще я хотела сказать... Сначала я не хотела в этом сознаваться. Но надо сказать всю правду, а не половину. Грач выделил мне на чтение три дня. Но дело шло очень туго. Я сразу поняла, что не успею дочитать. И тогда я...

– Понятно, – кивнул Радченко. – Вы использовали портативный сканер. И сохранили текст в электронной памяти. Я сам иногда использую такую технику.

– Не весь текст, только часть. Я хотела прочитать и уничтожить этот материал. Публиковать его нельзя по этическим и правовым соображениям. Вот, возьмите. Вы можете переписать текст на компьютер и распечатать его. Почитайте. Но только никому не давайте в руки.

Она вытащила из сумочки и положила на стол предмет, похожий на большую сплюснутую авторучку с желтым дисплеем посередине. Радченко повертел сканер в руках и сунул его во внутренний карман пиджака.

* * *

Дверь открыл незнакомый человек в черной рубахе с закатанными по локоть рукавами.
– Ты что ли Павел? – спросил он.

Грач, робея, кивнул. Человек поманил гостя желтым от табака пальцем, мол, заходи. Закрыв дверь на все замки, накинул цепочку и пошел вперед по длинному коридору. Павел оказался в просторной комнате и застыл на пороге, вдыхая запах пыли, табачного дыма и какой-то отвратительной кислятины, будто по полу разлили огуречный рассол.

Он дождался, когда глаза привыкнут к полумраку и осмотрелся. Комната обставлена мебелью, вышедшей из моды лет двадцать назад. Окна занавешены, брат задергивал шторы даже днем. Под потолком горела запыленная люстра. В углу светился экран телевизора, что-то бормотал диктор. В другом углу на диване беспокойно ворочался во сне бородатый мужчина.

Брат сидел перед окном за низким столиком ипил кофе.

– Садись, – сказал он вместо приветствия.

Грач обвел комнату глазами, прикидывая, где бы приземлиться. То ли на диван, где спит тот мужик, то ли на табуретку, что стоит возле телевизора. Но тут появился тот мужик, что открывал дверь, он поставил посередине комнаты стул и молча вышел. Павел, стараясь держаться свободно, скинул кепку, повесил плащ на спинку стула.

– Скажи мне такую вещь: я когда-нибудь причинял тебе неприятности? – без предисловий начал Игорь. – Ну, если забыть тот детский эпизод, когда я позаимствовал у тебя копилку с мелочью.

– Нет, конечно, нет, – Павел почувствовал, как начинает дергаться веко правого глаза. – Ничего такого не было.

– А почему ты занимаешься кидаловым?

Павел подумал, что брат, прошедший тюрьмы и лагеря, всегда вежлив. Он избегает крепких выражений, употребляет ругательные или блатные словечки лишь в минуты крайнего душевного раздражения.

– О чем ты? Я не понимаю.

– Хорошо, я объясню, – Игорь взял с журнального столика зажигалку и протер ее кусочком замши, который всегда носил с собой. – Только скажи мне такую штуку. После смерти отца, остались кое-какие деньги, осталась его квартира, его дача, машина «ауди». Но я не взял себе ничего. Ни копейки, ни рубля. В пятикомнатной квартире отца, я думаю, тебе не очень тесно. И дача немаленькая. И деньги не стали для тебя лишним бременем. Я ничего не требовал взамен, не ставил никаких условий. Так?

– Совершенно верно, – Павел шмыгнул носом. – Спасибо тебе. Господи, от всей души...

– Последнее время я интересовался дневником отца, – продолжил Игорь. – Потому что подозревал, что он не сгорел. И может попасть в чужие руки. А я этого не хочу. Такая мелочь... Какая-то жалкая тетрадка с никчемными записями. Ты назвал мне имена людей. Двух пожилых актеров. Лидии Антоновой и Бориса Свешникова. Это ведь ты сказал, что дневник наверняка у них?

– Я просто высказал предположения. Это лучшие друзья отца. Я же говорил, они...

– Ты знаешь, что Антонова погибла?

– Читал в газете, – кивнул Павел. – Очень жаль. Милая такая женщина. Кстати, она хорошо пела. Да... И еще играла на рояле.

– Ну вот видишь: играла на рояле. Могла бы еще поиграть.

Павел молчал, косил глазом в угол, где на диване ворочался незнакомый бородатый мужик.

– Уведите отсюда эту чертову шлюху, – сказал мужик и, не открывая глаз, с головой накрылся несвежей простыней. – Она больна гонореей.

– Теперь я хочу услышать правду.

Игорь переложил с места на место сложенную вдвое газету. На поверхности стола под газетой лежал охотничий нож с длинным широким лезвием и толстой костяной рукояткой. Грач-младший подумал, что жить ему осталось несколько минут. Сегодня он умрет от того, что его печень или сердце проткнут этим страшным ножом. Тело вынесут из этого притона в разобранном виде. Руки, ноги, голова, расфасованные в отдельные пакеты. Закопают где-нибудь за городом или сожгут в бочке. Вот тебе преступление и наказание в одном флаконе. Почти как у Достоевского. Только крови больше.

А брат будет вечером развлекаться с какой-нибудь девицей или засядет за карты. К тому времени он обо всем забудет.

Павел продолжал молчать, решив, что, пустившись в долгие бестолковые объяснения, только приблизит свою кончину. Сейчас не надо ничего объяснять, не надо поминать тот дневник. Надо давить на жалость, напомнить о родственных узах. Тогда, возможно, он выйдет из этой комнаты на своих ногах.

– Я долго терпел твою лживую жлобскую натуру, – сказал Игорь. – Но терпелка больше не работает. Отсохла и отвалилась. Я не могу смотреть, как ты тут фуфлом крутишь. Вопрос стоит так. Или ты первый раз в жизни говоришь правду. Или...

– Что «или»? – Павел сжался на стуле, втянул голову в плечи.

Игорь не ответил.

– Я ведь брат твой, – Павел почувствовал, как от страха сводит судорогой живот и хочется икнуть. – Твоя родная кровь. Ближе тебя у меня никого не осталось. И у тебя тоже. Я за тебя на край света пойду, ради тебя... Пойду... И там на краю света...

Он запутался в словах и замолчал.

– У тебя минута на раздумье.

Павел сжал зубы до боли, он не мог сказать правду. Но и соврать не мог. В наступившей напряженной тишине явственно и четко прозвучал голос телевизионного диктора:

– Специалисты утверждают, что в этом году удастся собрать добрый урожай картофеля. Наш корреспондент побывал в одном из подмосковных хозяйств и убедился, что картошка уродилась на славу...

* * *

В следующую минуту Павел бухнулся на колени и, вытянув руки вперед, пополз до кресла, в котором сидел брат. Согнув спину, ткнулся мокрым носом сиденье и, выдавив из себя несколько мелких слезинок, размазал их по щекам. Потом искательно снизу вверх заглянул в глаза брата и пробормотал:

– Прости меня, Игорь. Прости бога ради. Я просто в долгах запутался.

В следующие десять минут, не поднимаясь с колен, Павел рассказал старшему брату все, что знал о дневнике отца, о Дорис Линсдей, которой он поверил, но обманулся в лучших чувствах. Он не утаил ничего, решив, что жизнь всего одна, и укорачивать ее из-за денег, пусть даже денег больших, нет резона.

Брат внимательно его выслушал, задал несколько уточняющих вопросов и, кажется, остался доволен. Он погладил Павла по голове, как верного пса. И даже потрепал по щекам, мокрым от слез, что Грач-младший воспринял как высшее проявление родственной любви. На душе сделалось так спокойно и радостно, будто в эту минуту он заново появился на свет, а впереди ждала бесконечная счастливая жизнь, наполненная солнцем и счастьем, жизнь, которую только предстояло прожить.

– Хорошо, теперь мы поработаем вместе, – сказал Игорь. – И тебе наверняка перепадет крупная премия. А, как ты на это смотришь?

Грач-младший заплакал еще выразительнее.

– В какой гостинице остановилась Дорис?

Павел назвал адрес.

– Послушай, – Павел терся лбом о кресло, словно выпрашивал еще одну маленькую порцию ласки. – Зачем тебе эти записи? Ведь это полная ерунда.

– Я отвечу честно, хотя отвечать не хочется. У меня много врагов. А друзей мало. Это нормально, иметь много врагов и мало друзей. Так вот, если отцова тетрадка попадет не к тем людям... Число моих врагов превысит критическую отметку. И тогда... Тогда я недолго проживу. Я удовлетворил твое любопытство?

Игорь резко поднялся, вышел из комнаты и пропал в темном коридоре. Бородатый мужик на диване сладко застонал во сне и позвал какую-то Варвару. А телевизионный диктор, закончив с картошкой, начал читать хронику официальных событий.

Глава 7

На почте женщина администратор заглянула в компьютер и сказала, что бандероль, отправленную госпожой Линсдей, три дня назад доставили в гостиницу по такому-то адресу. Там почту принял начальник курьерской службы, о чем имеется соответствующая отметка.

Женщина пощелкала клавишами компьютера:

– Других данных нет, – сказала она.

– Бандероль не дошла до адресата, – ответил Радченко.

– С гостиницами всегда проблемы, – сказала женщина. – Мы доставляем почту в отели. Клерки разносят корреспонденцию по номерам или выдают постояльцам через администратора. Такова практика. Но бывает, что человек съехал, а почта для него пришла. Тогда письма или бандероли возвращают назад, к нам. На этот раз назад ничего не приходило. Значит, адресат все-таки получил бандероль. Или... Ее получил кто-то другой.

– Спасибо, – Радченко усмехнулся. – Вы мне очень помогли.

Через четверть часа он стоял перед столом начальника службы безопасности того отеля, где прежде жила Дорис. Представительный мужчина в синем костюме по имени Николай Андреевич расположился в тесном кабинете, что находился по соседству с центральным входом. Выслушав адвоката и внимательно изучив его документы, Николай Андреевич сказал:

– Ошиблись они там на почте. Никакая бандероль на имя той американки к нам не поступала. Ну, чего с людьми не бывает, ошиблись.

– Боюсь, что ошибаетесь вы, – ответил Радченко и положил на стол справку с почты. – Тут написано, что бандероль...

– Вижу, – оборвал посетителя Николай Андреевич. – Только для меня это не документ. Если есть претензии к отелю, напишите заявление на имя...

– Я не стану писать заявлений, – сказал Радченко и положил на стол визитную карточку журналиста, известного всей Москве своими скандальными статьями. – Предлагаю так. Информация о бандероли не получит огласки. Мужской разговор: только вы и я. В противном случае, буду вынужден обратиться к этому человеку, моему близкому другу. Он давно собирается написать статью о вашем отеле. И о его владельце. Который до сих пор проходит по милицейской картотеке, как преступный авторитет. Мой друг собрал уже целое досье. Но ищет новые факты. И я их подброшу. После публикации приличные люди станут обходить вашу ночлежку стороной.

– Это угроза?

– Не угроза, а предложение сотрудничества. Дорис Линсдей не станет подавать в суд на гостиницу. А я не стану встречаться со своим другом. И буду держать язык за зубами. Просто помогите мне найти концы и узнать, где бандероль. Это ведь не так сложно.

Николай Андреевич, человек осторожный и опытный, бросил взгляд на посетителя, потом на визитную карточку. Он решал для себя, может ли этот адвокат находиться в приятельских отношениях с известным журналистом. Или все его слова блеф. Слишком мало фактов, чтобы делать определенные выводы. Радченко, быстро сообразил, о чем думает хозяин кабинета, и, вытащив из бумажника фотографию, подержал ее перед носом Николая Андреевича. На снимке, сделанном где-то в ресторане или кафе, Радченко и тот журналист сидели за одним столиком, заставленным тарелками и бутылками, и о чем-то болтали.

Начальник службы безопасности хмыкнул.

– Хорошая фотография, – сказал он.

– Мне самому нравится, – ответил Радченко.

Решение было принято. Николай Андреевич подумал, что этот журналист – редкая фонючка, ради красного словца он родную мать не пожалеет. И надо сделать все, чтобы замять историю с бандеролью.

– Хорошо, пожалуйста, посидите в коридоре минут десять, – голос Николая Андреевича сделался елейным. – Я наведу справки. И тут же вернусь.

Мрачный как грозовая туча, он вернулся через час, пригласил Радченко в кабинет. И сказал, что в тот день, когда пропала бандероль, корреспонденцию по номерам разносил посыльный, которого сейчас, после выяснения обстоятельств дела, вышвырнули вон, как паршивого щенка. Уволен также сортировщик писем, который поленился заглянуть в компьютер и узнать, что Дорис Линсдей здесь больше не живет.

Посыльный говорит, что он не прочитал, кому именно адресовано послание. И не знал, что адресат съехал. Дверь номера открыл невысокий мужчина восточного типа в полосатом халате. Он принял бандероль, словно ждал именно ее. И сунул в руку посыльного чаевые. Мужчина жил в гостинице шесть суток. В тот же номер дважды поступали письма, была и еще одна бандероль. Его имя – Фазиль Нурбеков, проживает в Воронеже по такому-то адресу. Занимает должность директора комбината строительных пластмасс.

– Вот его адрес и телефон, – Николай Иванович протянул Радченко листок, исписанный мелким почерком. – Надеюсь, инцидент исчерпан?

– Конечно. Спасибо за помощь.

* * *

Мужчина, одетый в разорванную рубаху, лежал на спине возле подоконника, головой к окну ногами к двери. С того места, где стоял Девяткин, была видна левая половина лица покойного, распухшего от побоев, исполосованного опасной бритвой. Если пройти по кровавому следу, окажетесь в длинном коридоре, а потом в кухне.

Видимо, именно здесь театрального актера Бориса Свешникова полоснули бритвой по лбу, чуть выше бровей. На кафельных плитках пола и на пластиковой поверхности кухонного стола брызги засохшей крови. На белой двери, отпечаталась ладонь Свешникова. Раненый актер кинулся в прихожую, попытался выскочить на лестничную площадку. Но не успел справиться с замком и цепочкой. Руки были скользким от крови, а колени дрожали от жуткого нечеловеческого страха. Здесь же в прихожей, Свешников, видимо, получил несколько ударов по лицу и в корпус. По следам на паркете видно, что он упал возле двери и пытался встать.

Он поднялся. И, ничего не соображая, бросился в комнату, попытался разбить окно кулаком и позвать на помощь, но убийца настиг его. Вероятно, ударил хозяина квартиры по голове. Свешников повис на занавесках, надвое сломав деревянный карниз. Он оказался на полу и больше не встал.

Разбросанные по полу бумаги с печатным текстом, битое стекло залиты кровью. Девяткин взял с письменного стола пожелтевшую от времени открытку и прочитал вслух текст:

– Дорогой мой, Боря. Даже не верится, что сегодня тебе стукнул полтинник и еще пять. Я обнимаю тебя и спешу поздравить с творческим совершеннолетием. Теперь ты на себе знаешь, что самое трудное – прожить первые пятьдесят пять лет. Дальше будет легче. Я не стану перечислять роли, которые ты блистательно сыграл в театре и кино. Каждый вылепленный тобой образ стал открытием даже для меня. Дорогой мой, большинство великих актеров сумели раскрыть свой творческий потенциал именно после пятидесяти пяти. Поэтому я надеюсь, что твои лучшие работы еще впереди, они ждут тебя. Поздравляю, дорогой. Желаю здоровья, а таланта тебе не занимать. Вечно твой друг Сергей Лукин.

– Это тот самый режиссер? – спросил старший лейтенант Лебедев. – Ну, который погиб в автомобильной аварии?

– Тот самый, – кивнул Девяткин. – Кстати, я звонил директору театра. Он сказал, что многие годы Свешников поддерживал дружеские отношения с главным режиссером театра Сергеем Лукиным. Свешников очень переживал кончину Лукина. Неделью не мог выйти на сцену. Еще директор сказал буквально следующее: «Других друзей у Свешникова, кажется, не было. Но было много собутыльников».

– Значит, причиной убийства, по вашему мнению, стала бытовая ссора? – снова влез с вопросом Лебедев.

– Я версий еще не выдвигал.

– Но как же иначе? Початая бутылка водки на кухонном столе. Значит, ночной гость и Свешников выпили. А дальше все как обычно. Заспорили. Собеседник артиста схватился за опасную бритву. Потом вытащил что-то острое, предположительно нож. И поставил в споре последнюю точку.

– Ты растешь на глазах, – ответил Девяткин. – Даже початую бутылку на столе заметил. Но, обрати внимание, нет рюмок, нет закуски. Ведь хозяин и гость не пили водку из горла. Не занюхивали ее рукавом. Значит, Свешников просто не успел поставить рюмки на стол. Он вынул бутылку из холодильника. И тут получил первое ранение или болезненный удар. После того, как Свешников скончался, его гость перевернул вверх дном весь дом. Посмотри, что творится в обеих комнатах. Даже кровать и шкаф сдвинули с места.

– Ну, с этим ясно, – кончиками пальцев Лебедев потрогал распухший глаз. – Убийца что-то искал. И еще: он был знаком с хозяином, если тот среди ночи открыл ему дверь. И еще бутылку поставил.

– Ночной гость мог назвать имя общего знакомого. Свешников спросонья, не разобрав, что и как, открыл дверь. Другой вопрос: что можно искать в доме человека, получающего за работу сущие гроши? Свешников не коллекционировал швейцарские часы и побрякушки с бриллиантами. У него не всегда хватало денег на опохмелку. Самое ценное, что мог унести убийца, – поношенный костюм. И пару сумок с пустыми бутылками.

– Не все так просто, – Лебедев почесал затылок и сделал вид, что обдумывает новую версию происшествия.

– Задумайся вот о чем: убита подруга покойного режиссера Лидия Антонова и ее муж Рафик Амбарцумян. Теперь вот господин Свешников. Дача Антоновой и квартира Свешникова перевернуты вверх дном. Это я к тому, что дружба с известными личностями, особенно режиссерами, до добра не доводит. Теперь, Лебедев, слушай мою команду. Езжай в театр, поговори с директором. Пусть он подробнее расскажет о покойном артисте. Круг общения, привычки, отношения в коллективе... Ну, понимаешь?

– Так точно, – Лебедев развернулся и ушел.

* * *

Телефонный звонок раздался в тот момент, когда Дорис надела светлый костюм и собралась спуститься вниз, чтобы пообедать в ресторане. Голос Павла Грача, против обыкновения, звучал приветливо.

– Ну, из меня Шерлок Холмс точно получится, – он хохотнул. – Сунулся в одну гостиницу, а вы съехали. Но я все-таки нашел вас.

– Простите, я что-то изнервничалась и дел много, – ответила Дорис, чувствуя запоздалый укол совести. – Я бы вам позвонила на днях. Честное слово.

– Конечно, конечно. Но у меня дело к вам. Можно сказать, срочное. Это не отнимет много времени. Я как раз неподалеку от гостиницы. Выйдете из главного входа и налево. Прямо по улице второй поворот. Жду вас в сквере.

В коридоре у окна, выходящего на задний двор, стоял Дима Радченко.

– Меня провожать не надо, – сказала Дорис. – Я встречаюсь с сыном Лукина. У него какая-то новость. Судя по его бодрому голосу, новость хорошая.

Дорис быстро дошагала до лифта и спустилась вниз. Она вышла из гостиницы, свернула в переулок. Точнее, это оказался узкий и темный проход между домами, который вывел к дворику, асфальтовому пятаку, на котором уместилась пара скамеек и старый тополь с пыльными листьями. Грач сидел, понутив голову и шевелил губами, будто шепотом разговаривал сам с собой. Увидев Дорис, взмахнул рукой, мол, присаживайся рядом.

– Вы вся в белом, – Грач улыбнулся. – А я вот темные цвета предпочитаю. Практично, и грязь не заметна. Но это так, к слову. Я хотел показать одну видеозапись.

– Вы меня заинтриговали.

– Да я и сам заинтригован, – Грач грустно улыбнулся. – Использована аналоговая камера. На цифровую снимать нельзя. Разные специалисты могут придраться. Скажут, что запись смонтирована. А к пленке ни один умник не прицепится. Я конвертировал запись в цифровой формат. Оригинал спрятал в надежном месте.

Он открыл кейс, вытащил оттуда ноутбук и нажав кнопку, стал ждать. Когда экран засветился, Грач снова потыкал пальцем в кнопки. Дорис застыла от страха и удивления.

* * *

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Девяткин. – Очень любопытные вещи вы излагаете.

Он обращался к женщине неопределенного возраста по имени Ульяна Быстрова. Одета в серый халат и шерстяные носки, она стояла в углу комнаты и ждала, когда ей разрешат продолжить неспешное повествование. Лицо женщины было скорбное, уголки губ опущены, глаза провалились, а нос заострился. По правде говоря, она выглядела немногим лучше покойного артиста.

– Это ночью было, я как раз встала принять таблетку от температуры, – женщина вытащила платок, будто собиралась чихнуть, но не чихнула, а только скорчила плаксивую физиономию. – Знобило меня. И слышу над головой, в верхней квартире кто-то очень громко разговаривает. У нас дом старый. Стены и перекрытия хорошие, толстые. Надо очень громко говорить, чтобы тебя слышали соседи. Правда, слов я не разобрала.

– Не беда, – улыбнулся Девяткин. – Вы на часы не посмотрели случайно?

– Как раз свет на кухне зажгла и посмотрела. Половина третьего ночи. Я подумала, что у нашего артиста опять гости собрались. И уговориться нескоро. Под утро разве что.

– И часто артист к себе компании водил? – спросил Девяткин.

Он прислонил к стене костыль, опустившись на стул, натянул резиновые перчатки и приступил к изучению ящичков письменного стола, выдвинутых и брошенных на пол убийцей. Вот небольшой альбом с пожелтевшими фотографиями, под ним сборник рассказов Бунина «Темные аллеи», тут же «Лолита» Набокова. И еще книжка некоего Эдуарда Кожина под названием «Я имел их всех» с порнографической обложкой и соответствующими картинками. В следующем ящичке роман «Тропик рака», потрепанный, будто его украли из публичной библиотеки. Интересно... В зрелом возрасте Свешникова потянуло на эротику.

– Да уж, друзья приходили, – сказала Быстрова. – Он был человеком общительным. Последнее время начались неприятности в театре. Он говорит, что всякие сопляки затирают его. Новых ролей не светит. Он на этой почве стал чаще к бутылке прикладываться.

– Так, как, – сказал Девяткин, разглядывая иллюстрации книги «Камасутра как она есть». – Что вы еще слышали кроме громких голосов?

– Какие-то шумы, будто мебель двигали, – ответила женщина. – А потом крик, какой-то дикий, нечеловеческий. Я вздрогнула. Даже подумала, что не человек кричит, а раненая собака завывала. За всю жизнь только один раз такой крик слышала. Работала на заводе, и одному рабо-

чему руку в станок затянуло. Так вот, он так дико закричал, завыл от боли. Я хотела милицию вызвать, разбудила мужа. Он говорит: это наш артист с гостями развлекается, пропади он пропадом. И отвернулся к стене. А я не стала звонить.

– Угу, угу, – ответил Девяткин. – Сейчас запишем ваши показания. И можете быть свободны. Больше ничего не помните?

Женщина покачала головой.

К разговору внимательно прислушивался седой человек в шерстяном черном костюме. Это был знакомый всем сотрудникам уголовного розыска эксперт-криминалист Усов, или просто дядя Вася. Каждую встречу с Девяткиным дядя Вася использовал для того, чтобы всласть, до хрипоты, до дрожи в голосе, поспорить о футболе. Но Девяткин что-то не в настроении, видно, сломанная нога побаливает. И день сегодня трудный, только час тридцать, а это уже второй труп. Первым оказался новорожденный младенец, выброшенный из окна молодежного общежития.

Дядя Вася заполнял бланк протокола, с трудом сдерживая желание напомнить Девяткину, что вчера его любимый футбольный клуб «Спартак» проиграл с позорным счетом команде, которая находится внизу турнирной таблицы.

«Судя по температуре тела, смерть наступила между двумя тридцатью и тремя тридцатью часами ночи, – писал дядя Вася ровным подчерком. В полости рта жертвы находится кляп, сделанный из оторванного рукава рубахи. На лице ссадины и кровоподтеки, левый глаз вытек. На верхней трети шеи имеется странгуляционная горизонтальная борозда. По предварительным данным эксперта, причиной смерти явились не механическая асфиксия, вызванная сдавливанием шеи петлей-удавкой.

Лопнувшая пополам веревка найдена рядом с телом и приобщена к материалам дела. Причиной смерти послужила колотая рана в области четвертого-пятого ребра левой половины груди. Орудие убийства – кустарно сделанный (предположительно из напильника) нож, типа заточка. Лезвие подпилено в основании и сломано. Деревянная ручка ножа найдена на месте преступления и приобщена к материалам дела».

Дядя Вася отодвинул бумагу и, выждав момент, когда свидетель замолчала, заметил, обращаясь к Девяткину.

– Я вчера футбол смотрел. Да... Разные я игры видел, но такого безвольного поражения «Спартака» давно не было. Как подменили команду. Паралитики, а не футболисты. Отсутствие физических кондиций – это ладно. Но полное нежелание играть... Это уже выше моего понимания.

Девяткин только вздохнул в ответ.

– Ты ведь, Юра, за «Спартак» болеешь? – дядя Вася прекрасно знал, за какую команду болел Девяткин. – Или ошибаюсь?

– Слушай, у нас тут труп свежий, а ты про футбол, – Девяткину нечего было сказать в защиту «Спартака» и он торопливо менял тему разговора. – Давай про футбольные дела после работы.

– В прежние времена свежие трупы тебе не мешали говорить о спорте. Даже наоборот. Ты всегда во время осмотра мест происшествия на футбол сворачиваешь.

– Теперь я решил избавиться от этой дурной привычки, – отрезал Девяткин и бросил на эксперта испепеляющий взгляд. – И тебе пора.

* * *

На экране ноутбука Дорис увидела самую себя. Она сидела на даче покойного режиссера, за его рабочим столом. Вот она ссутулилась и углубилась в чтение дневника. Затем наклони-

лась, вынула из сумки портативный сканер, провела им сверху вниз по странице. Затем сканировала следующую страницу.

– Я прокручу дальше с вашего разрешения? – спросил Грач. – Там все одно и то же.

Он нажал кнопку. Дорис отвернулась, чувствуя, как щеки наливаются краской, будто ей надавали пощечин.

– Я хотела все объяснить, – сказала она. – Хотела рассказать, но не смогла. Там на даче в присутствии милиционеров и этих людей из поселка я была совершенно раздавлена. Я просто сидела и смотрела на происходящее, будто видела страшное кино. Я решила, что верну дневник позже... Как к вам попала эта запись?

– Тут все просто, – вздохнул Грач. – Я на даче не только сторожа держал. Но и еще кое-какие меры принял. Во избежание воровства. Когда позавчера мы были на даче, я вынул кассету из камеры. И опустил в карман. Сначала про пленку позабыл. Я вам доверял. Даже не мог подумать, что вы способны на это...

Дорис хотела вытащить из сумочки носовой платок, но его не было. Зато нашлась пара бумажных салфеток. Она вытерла слезы, стараясь смотреть на экран монитора, но слезы снова набегали на глаза, изображение оставалось нечетким. Съемку вели откуда-то сбоку и сверху, видимо, камера была установлена между книгами в одном из открытых шкафов. Звук из ноутбука выходил едва слышный. Кажется, Грач позвал Дорис, сказал, что заводит машину, пора уезжать. Она что-то ответила. Затем подняла голову и долго смотрела через окно на луг и лес, будто впервые их видела и спешила насладиться этой красотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.